

Ещё хочу добрым словом помянуть тех работников, с которыми мне пришлось работать «плечо в плечо» в Горьковской ГРЭ и близко общаться. Я уже немного упоминал их, но думаю, что надо рассказать подробнее об этих замечательных людях.

Андреев Евгений Андреевич, главный механик экспедиции, мой ровесник. Окончил Новочеркасский геологоразведочный техникум, отделение механиков – в 1959 году. Всю жизнь до пенсии проработал в Горьковской геологоразведочной экспедиции. Евгений Андреевич был очень пунктуальный специалист. Вся документация у него была в полном порядке. Образцовая, если точнее сказать. Много изучал специальную литературу, постоянно удивлял непрерывно растущим профессиональным уровнем. Нравственно чистый человек, правдолюб. Немногословный, как говорили, молчун, мало улыбочивый, он неожиданно по-другому открывался в наших дружеских застольях, становился весёлым, разговорчивым, тёплым. Работать с ним мне, тогда «зелёному», было не всегда легко, но это и хорошо, потому что оберегало меня от скоротечных решений. Упрямый буквоед, что в вопросах безопасности очень даже положительное качество, он, бывало, не соглашался с моими решениями. Спорили до повышенных тонов. Конечно, это было редко и ни в коей мере не влияло на наши уважительные друг к другу отношения.

Станислав Петрович Рыбин, на полгода моложе меня. Я уже писал о нём, когда работал с ним в моей первой буровой бригаде на соль. Станислав Петрович – быстроумный, спокойный, выдержанный, надёжный друг и соратник. Он прекрасно знал буровое дело, был хорошим организатором производства, был моим заместителем по охране труда и технике безопасности в этой экспедиции. Как говорят, с таким человеком можно идти в разведку.

Виталий Тимофеевич Преподобный – «щирый украинец», не расставшийся по жизни со своим сильным украинским акцентом, прибыл в Горьковскую ГРЭ на два года раньше меня после окончания Киевского геологоразведочного техникума, буровик. Работал в аппарате экспедиции старшим инженером по бурению. Вообще-то, проработав более пяти лет на шнековой буровой установке БС – ЗА, колонковое бурение знал не очень хорошо, впрочем, это, по своей бесхитростности, и не скрывал. Но он был очень старательным, исполнительным, ответственным инженером. Виталий Тимофеевич был наивен, прямодушен, искренен. Тоже очень чистый человек. На него можно было положиться в любой ситуации. Очень физически крепкий, имел мощные кулаки.

Немного отвлекаясь в сторону, расскажу один эпизод с его участием. Помню, однажды зимней ночью я услышал какие-то крики за окном (а жили мы на первом этаже) и увидел, как два мужика избивают ногами и руками третьего. Было страшно смотреть. Я одел ботинки, схватил телогрейку и выскочил на улицу:

– Прекратите! Немедленно!!!

Двое посмотрели на меня и стали не торопясь уходить. Я глянул на лежащего мужчину – он был без сознания и весь в крови. Я взъярился и бросился за бандитами (это выяснилось позднее). Они побежали, одного догнал, подножкой свалил на землю, и мы упали на снег. Через мгновение я увидел рядом Виталия Тимофеевича. Он был в майке и... босиком (потерял тапочки, когда бежал с пятого этажа). Вдвоём мы скрутили бандита и сдали подъехавшей милиции, а скорая увезла пострадавшего.

Ещё хочу рассказать о завгаре Геннадии Павловиче Тезикове, которого тоже упоминал. Хороший технарь-автомобилист, он был уважаем в коллективе. Заметная фигура, был общительным, контактным человеком, бесконфликтным и очень доброжелательным. Геннадий Павлович был умён, хитрован, умел понаравиться начальству и имел отличные отношения с вышестоящими руководителями.

Начальником планового отдела в экспедиции был Фролов Виктор Константинович. Преданный работе человек, нередко засиживающийся в конторе после окончания дня и в выходные. У него был грешок – пристрастие к спиртному. Нет, он не напивался на работе, а «потреблял» по «чуть-чуть» – красное десертное вино. Появился в аппарате экспедиции после почти двадцатилетнего периода работы в поле, в основном, прорабом полевых партий. Познакомился я с ним так. Около города Кирова в Б.Субботихе базировалась полевая Кировская геологосъёмочная партия. Начальник – Цыновкин Борис Николаевич, ст. геолог – Краснов Валентин Николаевич и прораб – Фролов. Партия в этот период не вела буровых и горных работ, поэтому я, главный инженер, давно у них не бывал, но вот однажды решил их навестить. Дело было глубокой осенью. Накануне по радию предупредили Цыновкина, что приезжаю, но на вокзале в Кирове меня никто не встретил, и я попал в Субботиху поздно вечером, кое-как туда добравшись. Был очень расстроен и зол, а Цыновкин, вообще-то, добрейший человек, был растерян и расстроен, кажется, больше меня. Он, оказывается, ждал меня завтра. В общем, ребята засуетились, бросились меня, голодного, кормить, распилили на четверых бутылку водки, и я быстро уснул. Но ночью проснулся от какой-то суеты и шума. Пошёл на звуки и увидел, как ребята вытаскивают из-под кровати Фролова. Спрашиваю в растерянности: «Что случилось?!» И Борис мне спокойненько отвечает: «Так Витя чертей под кроватью ловил!» Вот те раз! Ничего себе!! Дошло до меня, что у Фролова – белая горячка. Оказывается, он в тихом запое. Что ж, уехал я через день в Дзержинск вместе с Фроловым. Взял он отпуск (а у него их накопилось два), закодировался, передохнул и пришёл с повинной головой к Котову. Что с ним делать? В поле отправить нельзя, хотя он два десятка лет добросовестно «отпахал» в полевых партиях, это мы знали. Котов мне говорит: «Маркович, Евгений Сергеевич (Дёмин – старший экономист) собирается на пенсию, давай попробуем на его место Фролова, он мужичок толковый, не выкидывать же его на улицу. Так и сделали, и приобрели прекрасного экономиста. Виктор Константинович быстро вник в дело, и при его усидчивости и въедливости работа делалась качественно и вовремя. Но, правду сказать, какое-то время спустя начал он понемногу выпивать, даже на работе. Но, как он говорил, водку его организм «не принимал», и Константинович баювался портвейнами – граммов 50 за приём с интервалами в два часа. Мы не сразу это заметили, но когда поняли, что он, как говорят, «квасит» на работе понемногу, то и ругали, и наказывали, он на какое-то время бросал, а потом вновь потихоньку начинал. Да, впрочем, старательного и безобидного,

мы Фролова терпели, и он благополучно, отлично справляясь с обязанностями, доработал до пенсии.

Главный бухгалтер Иванов Василий Михайлович был намного старше всех нас, ровесник моего отца. Основательный, спокойный, великолепный специалист. Настойчиво и терпеливо учил нас тонкостям бухгалтерского дела. Бывало, заставлял отменять неправильные приказы – я же вас, пацанов, спасаю от беды! Вместе со мной и Н.А. Сычёвым был переведён на работу во вновь созданную Средне-Волжскую КГРЭ заместителем главного бухгалтера. Николай Алексеевич Сычёв зам. начальника экспедиции, сменивший на этой должности ушедшего на пенсию Валентина Дмитриевича Альпидовского. Николай Алексеевич был на десять лет старше меня, имел большой опыт полевых работ, прекрасный организатор производства, большой умница и психолог. Я многому научился у него. Человек он был деликатный, всегда аккуратно одет, подтянут. С ним было приятно общаться и работать.

О Валентине Яковлевне Лариной (Бариновой) я уже писал, она продолжала работать у нас старшей нормировщицей. Мудрая, спокойная, мастер на все руки – и по работе, и в быту – повараха и портниха. Наша семья подружилась с ней, когда стали жить в одном подъезде.

И, конечно, должен рассказать о главном геологе экспедиции – Владимире Фёдоровиче Табачкове. Он был всесторонне талантливый человек. Прекрасный геолог, с большим опытом геологосъёмочных полевых работ, Фёдорович был моим учителем геологии на первых порах моего главного инженерства. Необыкновенно темпераментный, балагур и весельчак, заводила, но мог внезапно помрачнеть и взорваться. Родом из казаков Северного Кавказа. Был очень ранимым и впечатлительным. Даже мелкие обиды сильно ранили его – и он долго от них отходил. Писал замечательные стихи на геологическую тематику, некоторые из них стали нашими песнями. Его остроты становились ходячими афоризмами в нашей экспедиции. Прекрасный спортсмен, физически очень сильный. В период студенчества в Ростове-на-Дону играл в футбол за команду «Ростсельмаш». И у нас в коллективе, как заводила, участвовал во всех спортивных состязаниях.

Вот я как будто бы и закончил описание первых семи лет моей работы в качестве главного инженера экспедиции, и вдруг обнаружил, что мало в моих воспоминаниях эпизодов, связанных с жизнью в Дзержинске, нет слов о друзьях-не геологах. А ведь сколько замечательных людей мне встретилось!

Когда я написал, как мы получили двухкомнатную квартиру, надо было упомянуть, что она была в подъезде нового пятиэтажного дома, который весь заселили дружной геологической братией – молодыми семьями геологов – почти всех – моих ровесников. Как дружно, породственному жили мы там. В первую же неделю, увидев нашу с Сашенькой нищету, соседи – Николай Колесов и его жена Галя принесли кухонный стол. Весь подъезд быстро перезакомился. Вскоре стали совместно проводить праздники – тащили закуски, выпивку. Чуть попозже начали выезжать на крытой ГАЗ-51 на природу – рыбалка, грибы, пикники, с ночёвкой в палатках. Уха, шашлыки, овощи и... по «чуть-чуть». Ездили в сторону Гороховца к устью Клязьмы, на озеро Пурхва, Пырское озеро, на Волгу и Оку... Добрались во Владимирскую область под Фоминки – замечательные места с обильными урожаями белых грибов и груздей.

Для «аромата» расскажу один случай. Как-то летом выехали с ночёвкой к устью Клязьмы, где она впадает в Оку. Разбили палатки на берегу красивой старицы. Женщины стали обустроить быт, дети резвились на обширной поляне, мужики пошли «на охоту». Некоторые – по грибы (белые замечены около палаток), а мы с Геней Тезиковым с небольшим бредешком (неизменная снасть геологов) решили попробовать наловить рыбы в неглубокой старице. Может, повезёт? Азартное это дело закончи-

лось тем, что выгребли мы из старицы с ведро окуней и плотвичек и – с пяток диковинной рыбы – вьюнов в полметра длиной. В зарослях кувшинок выловили двух линей по килограмму! Хорошие получились уха и жарёшка вечером у костра под гитару и геологические песни. И таких эпизодов немало.

Сборные команды Горьковской геологоразведочной экспедиции участвовали в соревнованиях трудовых коллективов города Дзержинска по шахматам и шашкам, по стрельбе и волейболу, как правило, занимая призовые места. Во всех этих соревнованиях участвовал и я, вместе с моими соратниками-друзьями Лёшей Котовым, Володей Табачковым, Витей Преподобным, Борей Фридманом, Владиком Фатьяновым, Колей Брагиным, Стасом Рыбиным и другими. Сам я неоднократно становился чемпионом и призёром первенства спортколлективов города по стрельбе из мелкокалиберной винтовки и пистолета, успешно выступал в командных соревнованиях по шахматам и шашкам, наша волейбольная команда, в которой играл и я, выиграла первенство города и всем нам были присвоены вторые спортивные разряды. Играл в баскетбол. Помню курьёзную встречу со сборной Управления. В игре блистал Володя Табачков, встречу мы выиграли со счётом 56:0. Кроме того, территориальный комитет профсоюзов проводил спартакиады геологов Поволжья, где команды нашей экспедиции так же успешно выступали, а я участвовал в соревнованиях по лёгкой атлетике (был призёром в беге на 100 м и прыжках в длину), волейболе и футболе. О футболе – отдельно. Терком профсоюза организовал соревнование коллективов физкультуры Горьковского куста по футболу. Наша команда заняла первое место, я получил приз «Лучшему вратарю турнира» – в больнице, куда попал после финального матча с сотрясением мозга и обширными ссадинами лица. Игрок противной команды Юра Морозов, когда я выхватил в броске мяч у него с ноги, по инерции ударил меня по голове. Да, и такое бывало. Выпал я из строя тогда на три недели. Все эти поединки, совместные поездки и спортивные соревнования сблизили нас, что, несомненно, положительно сказалось на весьма успешной работе нашей экспедиции.

Хотелось бы упомянуть ещё об одном. В 60-е годы город Дзержинск бурно развивался, интенсивно расстраивался, был большой приток населения. Поэтому социально он не устоялся, люди в городе плохо знали друг друга, на улицах немало хулиганства. Неоднократно приходилось, в силу моей неуступчивости перед напором хулиганов, вступать «в бой» – в магазинах, на улице, в подъездах домов. Таких эпизодов достаточно много, но буду их все вспоминать, что тут хорошего. Упомяну лишь некоторые, наиболее колоритные. Так, у подъезда нашего дома на входе поставили мы две скамейки, которые по вечерам облюбовали подростки из соседних домов. Крики, мат, дерзость. Пытались их урезонить, но безрезультатно. Тогда я, а жил я на первом этаже, однажды поздно вечером вышел и с трудом их прогнал. В ответ получил... подшипниковым шариком в стёкла окна. В наружном была дырка, а внутреннее – разбилось. Я не стал сразу выходить, проследил, не зажигая свет, куда они пойдут, догнал и скрутил одного.

– Ты кто такой? – стали кричать его друзья.

Я им в шутку ответил:

– Милиционер! Куда его вести – в милицию, или домой? Ладно, домой, – сказал я.

Привёл подростка к его квартире, вышел хмурый отец из рабочего класса. Я ему рассказал, что произошло. Результат – при мне отец выпорол парнишку ремнём, пока я его не остановил. После этого случая окрестная «шпана» уже меня слушала, не дерзя. Чуть позже узнал, что для меня есть у них «кликуха»: «дядя Лёша – милиционер».

Вот второй случай. Вечером, осенью (было темно), эти ребята стучат мне в дверь – дядя Лёша, там мужик дверь выламывает в квартире!

Было прохладно, я накинул свою геологическую телогрейку и выскочил на улицу. На балконе пятого этажа первого подъезда стояла женщина и истошно кричала: «Помогите!» Спрашиваю у ребят: «Что там?» Отвечают: «Муж вернулся из заключения, а она живёт с другим, который на работе».

Забегаю на пятый этаж, вижу – здоровый мужик ногой выбивает дверь квартиры. Кричу ему: «Прекрати!» Он никак не реагирует. Прошу подростков – принесите мне дрын какой-нибудь потолще. Вскоре тащат толстую палку длиной метра полтора. Взлетаю я наверх с площадки между четвёртым и пятым этажами и бью мужика изо всех сил по спине – и снова назад. Да, замечу, что света на пятом этаже не было. Видимо, лампочку он разбил.

Вдруг сверху что-то тёмное на меня летит, судорожно рукой отбрасываю – коврик! А мужик уже передо мной с ножом в руке. Подавшись назад, ногой выбиваю у него нож, мы схватываемся и катимся кубарем на площадку четвёртого этажа. В это время открывается дверь одной из квартир, выходит крепкий пожилой мужик в майке и говорит мне:

– Отпусти его, он тебя больше не тронет!

Я встаю, но мой противник вскакивает и хватается меня за горло. Но тут же он обмяк и падает на пол – это удар мужика в майке, который говорит мне:

– Слушай, иди домой, не беспокойся, милицию не вызывай, будет полный порядок.

Растерянный, выхожу на улицу, а ребяташки мне говорят про мужика в майке – это «авторитет» такой-то (не запомнил). Больше шума там не было. Пришёл домой, моя Сашенька спрашивает: «Что у тебя с телогрейкой?» Смотрю – рукав на левой руке сильно распорот – след ножа.

И, пожалуй, ещё один случай. Ходили с Фатьяновыми на последний сеанс в кино. Возвращаемся вчетвером пешком, навстречу – трое парней лет по двадцать пять. Проходят сквозь нас, сильно толкая мою жену. Она кричит им: «Что вы хулиганите?» – и получает кулаком в лицо! Представьте себе мою ярость! Я ударил удачно первого хулигана. Он упал. Ну и началась драка, уже на проезжей части дороги. Знаю, Владик мне не помощник, он не боец, стоит растерянно в стороне. Я не был в претензии к нему. Драка – не его стезя. Я был очень зол. Бился с тремя. Первого свалил ещё раз. Сцепился со вторым, повалил его на асфальт и, сидя на нём, колошматил кулаками. И потерял бдительность. Третий ударил меня ботинком, попав по очкам, разбитые стёкла порезали мне лицо. Я вскочил и стал доставать третьего. В это время подъехала милицейская машина – это жители соседнего дома, увидев в окно, что происходит, вызвали её. Привезли нас пятерых – их трое и мы с женой – в милицию. Дежурный капитан спрашивает: «Кто пострадавший?» Потому что лица всех четверых были в крови. Конечно, этих подвыпивших забияк посадили на два года. Да, вот такое бывало в Дзержинске тогда.

Ну, и, наверное, нельзя не вспомнить ещё один случай. Засиделись как-то мы на работе, форсируя составление годового отчёта, до вечера: я, Станислав Петрович Рыбин, Виталий Тимофеевич Преподобный и наш ветеран – зам. начальника экспедиции Валентин Дмитриевич Альпидовский. Где-то часов в девять вечера закончили. Валентин Дмитриевич пошёл к электричке на платформу «Калининская» (он жил в Горьком), а мы трое – в противоположную сторону по улице Октябрьской. Вдруг слышим – крики какие-то. И в нашу сторону от забора базы двинулась автомашина. Когда она поравнялась с нами, увидели, что в кабине – водитель, а рядом какой-то здоровый мужик держит тщедушного Валентина Дмитриевича поперёк туловища. Пытаясь захлопнуть дверку кабины, бьёт ею Валентина Дмитриевича по ногам.

Я мгновенно среагировал, удалось сбоку зацепиться за кузов. Перебрался на руках назад, залез в кузов, а там полно дров. Так вот в чём дело! Нам только что привезли вагон дров для хозяйств, они были в этот

день разгружены у забора, чтоб назавтра перетащить их на базу. Валентин Дмитриевич увидел, что наши дрова грузят, подошёл и спросил: «Что вы тут делаете?» В результате его затащили в кабину.

Поленом я вышиб стекло сбоку в кабине. Полено достало и водителя – он въехал в сугроб. В это время подбежали Стас и Витя, крепко помяли воров. А у Валентина Дмитриевича оказались сильно повреждёнными ноги, он долго хромал. Ну, естественно, назвал он меня спасителем. Действительно, что бы они с ним сделали позднее? Это была автомашинка автошколы, сидели в ней курсант за рулём и инструктор. Финал истории понятен.

Стоило ли мне об этом писать в воспоминаниях? Наверное, стоило, иначе картина нашей жизни тогда была бы неполная.

И ещё об очень хороших обстоятельствах нашего бытия в Дзержинске. У нас с супругой появились новые друзья, не геологи, интересные люди, необыкновенно нам симпатичные. Сначала моя Сашенька, участковая медсестра городской поликлиники, познакомилась с милой женщиной лет пятидесяти, участницей Великой Отечественной войны, очень больной – инвалидом первой группы – Смирновой Марией Павловной. Потом познакомилась с ней и меня, а далее – знакомство с её сыном – Володей Смирновым. Это был яркий, харизматичный молодой человек, темпераментный и озорной, шутник, громкий весёлый рассказчик. Как говорят сейчас, умел зажигать. И талантливый художник! Занимался и станковой живописью, но главное его увлечение – мощные полотна смальтовой мозаики, которые до сих пор можно встретить на некоторых общественных зданиях Дзержинска. Были у него заказы и в Горьком. Так сохранилась чудесная память о нём – реставрированные им фрески потолка храма Живоначальной Троицы в Подновье. При нас у Володи появилась жена – очаровательная русская красавица Оля.

Через Володю познакомилась мы с четой Ненашевых – Людмилой и Евгением. Люда была совершенно необыкновенным человеком. Журналистка радио, окончила журфак МГУ, необыкновенно образованная, любитель и знаток поэзии, и вообще чрезвычайно начитанный и умный человек. С Володей Смирновым они всегда были центром нашей компании. Я тогда ещё атеист, узнал, что она – глубоко верующий с детства православный человек. Никогда не была комсомолкой. Как ей это удалось в 60-е годы в МГУ? Может, за счёт яркой харизмы? Всё она во мне перевернула. Она никогда никому о своей вере не говорила, но знание того, что такая высокообразованная, интеллигентная, – глубоко верующий человек, меня поразило. И, слава Богу, привело к Нему. Я серьёзно задумался о вере, о Люде, о моих православных предках, стал читать наших великих философов (Бердяева, Фёдорова, Розанова, Флоренского – брал у Люды) и пришёл к мысли: какой же я духовно нищий человек, что отрезал себя от такого огромного богатства нашего народа – православия. Спасибо, Людочка, что своим примером привела меня в храм! К несчастью, оба рано погибли – и Володя, и Люда.

Ну, а вместе с ними в замечательном дружеском общении были и Валя Тарасов, доцент Политеха (дзержинский филиал), игравший замечательно на виолончели (мир праху его!) и его супруга Галя, тоже кандидат наук, чрезвычайно мягкая, обаятельная, скромная женщина, тоже рано ушедшая из жизни. Как не вспомнить Валеру Маргульца, доцента Водного института, поражавшего нас своим великолепным басом (он долго стажировался в Театре оперы и балета). Очень ранимый, по-дружески чистый Валера. Когда Люда Ненашева в застолье говорила: «Валера, номер четыре!» Это значит, определённый романс в её реестре. Валя Тарасов – за виолончель. Валера, как всегда, говорит: «Простите, я сегодня не в голосе». Но начинал великолепно петь очередной русский романс. Мы, слушатели, растворялись в этих чудесных звуках. А умная, властная, талантливая супруга Валеры – зам. главного архитектора Горького Лариса незаметно дирижировала нашим дружеским застольем.

Конечно, участвовал в этих посиделках и Саша Башев, доцент Политеха, чудесный гитарист и исполнитель бардовских песен Галича, и другие интересные люди. И нельзя забывать две семьи, с которыми мы стали по-родственному близки – Никифоровы и Соболевы. О Люсе Никифоровой я уже упоминал. Она работала в Казани медсестрой в той же поликлинике, что и моя Сашенька. Её муж – Слава – тоже из Казани, окончил там ВУЗ, химик-технолог, по распределению приехал в Дзержинск. Глава второй семьи – Игорь Соболев, тоже из Казани, учился в одной школе с моей Сашенькой (но старше на два класса). Тоже по направлению приехал в Дзержинск после окончания ВУЗа. Его супруга – умница, спокойная Тамара. Много лет встречали мы вместе семейные и государственные праздники, ночевали друг у друга, очень и очень дружили. Увы, их уже тоже нет.

И не бывало тогда странным, когда кто-то из этих друзей посреди ночи звонил нам в дверь, ища приют и дружеское слово. Сидели на кухне до утра в захватывающих разговорах под звон стекла. Вспомнил об этом сейчас, аж сердце защемило. Светлая память моим умершим друзьям и долголетия и благополучия ещё, слава Господу, живущим. Это всё было. И вот теперь я задумываюсь – куда всё делось? Почему в СССР люди умели дружить, тесно общаться, радоваться встречам и разговорам? Рискну предположить, что черту всему положило серьёзно развивающееся материальное неравенство, ведущее к эгоизму, разобщённости людей. И ещё одно, очень, на мой взгляд, важное – у нас всех была перспектива в жизни, внутренние ощущения гарантии благополучия жизни, при всех неурядицах. Наверное, и в этом дело.

Итак, завершён период моей жизни в городе Дзержинске, этап работы главным инженером Горьковской геолого-разведочной экспедиции. В возрасте 33 лет я вступаю в новый ответственный период своей трудовой деятельности – к работе главным инженером Средне-Волжской комплексной геологоразведочной экспедиции, созданной в городе Горьком на основе ликвидированного Средне-Волжского геологического управления. Идёт 1972 год.

Входить в свои производственные обязанности главного инженера СВКГРЭ для меня не представляло больших проблем, потому что в мою бывшую Горьковскую ГРЭ к 1972 году Управление уже влило Чувашскую, Марийскую и Мордовскую партии. А к ним, в состав СВКГРЭ добавились Заволжская партия (около Н.Новгорода), в организации которой частично принимала участие Горьковская ГРЭ, передав туда одну из своих партий. Кроме того, в СВКГРЭ слились Удмуртская ГРЭ и Ульяновская ГРЭ, а ещё Кировская ГРЭ и Вятско-Камская партия на фосфориты в далёком (на границе с Коми АССР) пос. Созимский. В состав СВГРЭ также вошли подразделения бывшего Управления, базировавшиеся в г. Горьком: Гидрорежимная экспедиция, тематическая экспедиция (научно-производственная), Центральная лаборатория, Центральные ремонтно-механические мастерские и складская база, занимавшаяся поставками оборудования и материалов не только для своих подразделений, но и, главным образом, для Управлений министерства. Руководителей этих подразделений я давно и хорошо знал.

Главной задачей в начальный период я уделил организации работы производственно-технического персонала аппарата. Начальником ПТО был назначен Александр Иванович Балашов, зам.гл.инженера по технике безопасности – Валентин Фёдорович Семин, гл. механиком – Анатолий Григорьевич Кисловский, старшими инженерами отдела по специальностям Владимир Яковлевич Гречка, Юрий Анатольевич Фагин. Позже к ним добавилось ещё несколько специалистов – ст. специалист Борис Иванович Зайцев, главный энергетик – Владимир Владимирович Колосов. К ним периодически добавлялись и другие специалисты. В моём прямом подчинении находился также ОТИЗ – отдел труда, заработной платы – во главе с Екатериной Ивановной Собчак, нормиро-

вание осуществляли Чужестранцев Валерий Евгеньевич и Романова Надежда Ивановна, а проектно-сметное дело – Морозов Юрий Петрович и мой друг и соратник по работе с кондициями на фосфориты – Олег Веретенников. Почти все примерно одного возраста – 30-35 лет.

Работать с ними было одно удовольствие – точность, компетентность, доброжелательность, творческое отношение к делу. Первой задачей я поставил себе – детально познакомиться с теми подразделениями, которые не входили в состав Горьковской ГРЭ. Это были командировки, в основном, на автомашине – для оперативности – с посещением всех буровых бригад, для ознакомления с техническим парком, применяемыми технологиями, а главное – с людьми, которые осуществляли работы геологического задания. Я увидел, что эти новые подразделения существенно отстали от моей бывшей Горьковской ГРЭ в оснащении бытовыми условиями (не было вагон-домов, не было организовано питание в буровых бригадах), применялись устаревшие технологии в буровых бригадах, не был внедрён вахтовый метод работы буровых бригад и др. Срочно и оперативно все эти вопросы стали решаться. А ведь в нашей огромной экспедиции, работавшей на территории более 600 тыс. км кв., трудились только буровых бригад около пятидесяти. И ещё я ощутил, что уровень представительности нашего предприятия стал существенно выше, чем в Горьковской ГРЭ.

Мы теперь с В.А. Пустошиловым были номенклатурой Обкома КПСС и облисполкома, участвовали в совещаниях областных директивных организаций, в том числе не только в Горьковской области, но и в других областях и автономных республиках Поволжья и Прикамья, где располагались наши подразделения. Это ещё более повышало чувство ответственности. Уже на первых неделях работы мне пришлось сопровождать первого секретаря Горьковского обкома КПСС Масленникова и секретаря по строительству Грязнова на демонстрацию пробной эксплуатации Волжского месторождения, где добыча гравийно-галечно-валунного материала велась земснарядами. Это было впечатляющее зрелище. Мощный поток воды выносил даже огромные валуны, которые изредка забивали всасывающее устройство. И ещё – земснаряд «добыл» бедренную кость мамонта, несколько его зубов и других фрагментов, а также лопаточную кость зубро-бизона, которые до сих пор – украшение музея палеонтологии.

Забот на нас навалилось много, но первое очень серьёзное испытание привалило к концу ноября 1972 года. Наш замечательный главный геолог – Георгий Иванович Блом – неожиданно обнаружил, что экспедиция срывает выполнение геологического задания по годовому приросту запасов фосфоритов Вятско-Камского месторождения в Кировской области. Мы должны были прирастить 50 млн тонн запасов, и начальник геолотдела (оставшийся от управления) Юрий Серафимович Тамойкин, увидев, что задание «горит», «нарисовал» на карте месторождения необходимое количество пройденных якобы выработок, решив про себя, что в первом полугодии 73 года этот должок будет незаметно ликвидирован. Это был скандал! Георгий Иванович бушевал со всем своим могучим темпераментом. Что делать? Срывать геологическое задание – это невиданная катастрофа. На совещании у Пустошилова я сказал, что поеду в Вятско-Камскую ГРП, соберу туда из соседних партий все бригады, способные бурить скважины в болотистой местности месторождения (АВБ – ТМ – на тракторах и бригады ручного бурения) и постараюсь эту «дыру» закрыть. Безответственного начальника партии (а это был родной брат Пустошилова) он выгнал, и мне пришлось всё организовывать со старшим геологом Юрием Сергеевичем Рубцовым, выдающимся фосфоритчиком России, будущим заслуженным геологом РФ.

Чтобы успеть пробурить к Новому году необходимый объём в морозном заснеженном болотистом лесу и пройти с десятков шурфов, мы с Рубцовым выбрали краевые зоны с неглубоким залеганием фосфори-

тов. Он из базы партии руководил своими бригадами, а я обосновался в посёлке Нырмыч с разноместными бригадами из соседних партий. В помощь взял старшего геолога Бурцева и геодезиста Святова. К сожалению, через два дня их прогнал, потому что они заявили, что невозможно выполнить все необходимые работы и демонстративно написались. Я остался с двумя бригадами один. Это были сложные бригады, многие – бывшие «зэка». Их сорвали неожиданно с привычных мест, загнали в какие-то болота, и надо было «жилы рвать», чтобы пробурить огромный объём скважин.

С помощью руководителя села (немец по национальности, депортированный ребёнком вместе с родителями с Одесчины в начале Великой Отечественной войны) обустроил помещение бывшей школы, разместил там все бригады, обеспечив всем необходимым в быту, нанял повара, которую через день выгнал за пьянку и воровство. Нашёл контакт с буровиками, они оценили мою заботу о них. Неделю пищу для бригад готовил я сам, а они «пахали» с полной самоотдачей в лесу. 5 декабря, в День Советской Конституции, для бывших заключённых – особый день – день ежегодной амнистии, то есть их главный праздник, я приготовил обильный обед – щи, баранину с картофелем, кисель, купил водку – из расчёта одна бутылка на троих. Праздник – так праздник! Ребята в восторге, пьянки, естественно, не было, шёл оживлённый разговор после застолья. Я прибрался на кухне, пришёл в общежитие – бурный смех. Один из рабочих ручников ест, откусывая, ... тонкий стеклянный стакан и рассказывает, что он познакомился с В.И. Лениным, когда тот жил в Разливе в шалаше! Буровой мастер говорит ему резко: «Всё, хватит посуду портить и небылицы травить». Рассказчик резко повернулся к нему и говорит: «А вот тебе пора башку отрубить», – встаёт и берёт стоявший у печи топор. Я быстро среагировал – бросил ему по ногам табуретку (этот опыт у меня уже был), сбил с ног, и ребята его скрутили.

– В чём дело? – спрашиваю.

– Да он клиент Кирсинской психушки, всё время развлекает нас побасенками.

Ничего себе, развлечение! Загрузили мы его в крытую ГАЗ-66 и повезли в Кирс в сумасшедший дом. Двое сопровождающих – с ним в кузове. Когда подъехали к психушке и ребята выгрузили его из кузова, он внезапно бросился бежать, и они его не догнали. Или не хотели догонять. Я был в это время в приёмной. Написал заявление в милицию, больше мы его не видели, а начальник геологосъёмочной партии, принявший его на работу без медицинской справки, Владимиров, – получил выговор. Впрочем, это событие не нарушило трудовой настрой буровых бригад. Мне было твёрдо сказано: начальник, не..., всё сделаем как надо. И сделали! К 28 декабря прирост запасов 50 млн тонн фосфоритов был обеспечен, каждая бригада дала рекордную для себя проходку. За месяц каждая пробурила от 800 до 1000 м бурения – это зимой, в декабре, в вятские морозы, в заболоченном лесу. Молодцы, мои буровики, вообще ведь это одна из самых трудных профессий.

И ещё необходимо рассказать о шурфопроходчике Фролове Николае Ивановиче. Познакомился я с ним, когда только приехал в посёлок геологов в Созимском. Выходя из гостевой квартиры – в деревянном холодном бараке – стал ключом закрывать дверь. Проходящий мимо невысокий мужчина в телогрейке сказал: «Начальник, у нас не запирают квартиры, не принято». Это и был Николай Иванович Фролов. Чуть позже я узнал, что у него в биографии лагеря, куда попал молодым парнем как домушник, участвовал в неудачных побегах, отсидел 17 лет, где основная его работа была – проходка шурфов на колымских золотых приисках. Имел погашения в гражданских правах – жить не более чем в ста километрах от лагеря, был принят в Вятско-Камскую партию, «завязал» с прошлым, женился тоже на бывшей зэка, завели троих детей, жили в том же бараке, где устроился и я. Говорили, что он чужого

гвоздя без спросу не возьмёт, а шурфы проходит – залюбуешься. Увидел тогда и я, как он трудится, пришёл в тайгу посмотреть, как Фролов проходит шурф. Он почти заканчивал, глубина была около 6 метров. Шурф проходил в труднейших условиях – над фосфоритами – толща глинистых плавунных песков, которые он проходил палями – забивал в пласт шпунтовые доски, выбирая глино-песчаную жижу, подавал её в бадьях рабочим наверх. Ручной ворот, ляды – всё как надо. Он дошёл до фосфоритного пласта и стал делать ограждающий короб для выборки фосфорита. И в это время пали затрещали, и плавун хлынул в шурф.

– Поднимайте быстрее, – кричит Николай Иванович.

Ребята мгновенно выхватили его в бадье, совершенно мокрого и грязного. Было страшно. Ведь могла случиться беда. А Фролов быстро разделся, отдал ребятам одежду, – сушите быстрее на костре. А сам голый ходит вокруг костра, стучит себя в грудь кулаками и кричит: «Победа, победа, победа!»

– Ты что, Иваныч!

– Сейчас обсушусь, и я его возьму, этот чёртов шурф!

– Николай Иванович, уже темнеет, давай на завтра отложим.

– Нет! – кричит, – я его сейчас возьму!

Не стал я его останавливать, видя его крайнее возбуждение. Часам к 11 вечера добил он новый шурф, достал фосфорит и поднялся наверх. Была крайняя усталость на его лице, но с сияющими глазами.

– Ну, начальник! Сказал, что возьму, и вот сделал его, подлюку.

Назавтра я побывал у него в гостях. Оживлённая жена, оживлённые весёлые дети, но – старый продуваемый барак, неустроенность. Я был потрясён. Так жить нельзя! Но о судьбе этой семьи – в будущем, ещё прочитаете. Да, кстати. Только я звал его Николай Иванович. Он неохотно отзывался на моё обращение, потому что все знали его по прозвищу «Колыма», которое он носил всю жизнь.

Я вернулся к Новому году в Горький, задание было выполнено успешно, а в ушах стучало фроловское: «Победа, победа, победа!»

В Вятско-Камскую партию был назначен новый начальник – Сергей Николаевич Вернин, колоритнейшая фигура, достойная особого рассказа. Серёжу я уже хорошо знал по работе в съёмочных партиях Горьковской ГРЭ. Выше среднего роста, плотный, крепкий, бывший спортсмен. Служил в армии в спортроде, принимал участие во всесоюзных армейских соревнованиях. Бежал 100 м – 10,8 сек и показывал другие высокие результаты. Сергей харизматичен, подвижный, громкий, озорник, имел увесистые кулаки, которых нерадивые подчинённые побаивались, но слушали его безоговорочно. В основном, работал в партиях прорабом и техноруком. Пьяницей не был, но в геологической вольнице известен был байкой, что на спор однажды выпил за день два литра водки и его даже не покачивало. Может, в самом деле байка, но реально пьяным я его никогда не видел. Сергей, теперь уже начальник партии, – Николаевич был с высоким чувством ответственности и долга. Работал с полной самоотдачей. Когда я в феврале 73 года приехал к нему в партию, он встретил меня на вокзале, спросил – голоден ли, и привёл в какую-то столовую. По его заказу принесли еду и 150 г водки. Я спросил: «Сергей, почему только мне?» Отвечает: «Маркович, я завязал. Я на глазах у народа круглые сутки. Мне пить никак нельзя – что тогда трудному народу говорить».

Понятно, водку унесли.

Я, посмотрев, как идут дела у Вернина, убедился, что он полностью, безоговорочно владеет ситуацией, спокойный уехал. Но... вскоре вернулся, и не один – с главным инженером Территориального геологического управления Центральных районов Игорем Петровичем Никифоровым и его свитой, а также Виктором Андреевичем Пустошиловым, нашим начальником. Случилась страшная беда, одно из самых трагических событий в моей жизни. Сергей Николаевич Вернин погиб вместе с

водителем бензовоза. Сергею по радиации сообщили, что бригада Петрищева остаётся без дизтоплива, и Сергей не решился отправлять водителя бензовоза с соляркой в ночь одного, решил с ним поехать сам. Стоялそろградусный мороз, не доезжая Кирса, бензовоз остановился, лопнула одна задняя шина, потом – вторая. Ехать было нельзя. Видимо, они решили дожидаться утра, раздулись, двигатель не глушили, заснули и... не проснулись! Выхлопная труба у бензовоза – впереди, ветра совсем не было, выхлопные газы окутали кабину, и ребята угорели до смерти. Расследование этого несчастного случая длилось довольно долго, и мы с Виктором Андреевичем отделались строгими выговорами, потому что только недавно вошли в должности. Глубокая боль за безвременно погибшего друга и соратника до сих пор тревожит сердце.

Но жизнь идёт. Начальником партии был назначен Владислав Викторович Фатьянов, продолжил дело С.Н. Вернина. А у меня пошли новые производственные испытания. Помните, как я начинал свою трудовую биографию в Гремячевской партии, работы которой по каменной соли были признаны тогда бесперспективными? Наш замечательный геолог Евгения Львовна Катун вновь проанализировала все материалы и категорически утверждала, что запасы соли там есть, надо продолжать поисково-разведочные работы. Я включился в разворачивание серьёзных работ Белбажской партии (начальник Рудольф Рамазанович Туманов – прекрасный талантливый геолог и совершенно неорганизованный человек, для которого никогда не существовало сроков завершения геологического задания). Он закапывался в материалы, уходил в своих размышлениях всё глубже, ища новые факты и аргументы – и сроки у него горели.

Итак, Белбажское месторождение соли – яркая веха в биографии СВКГРЭ (Волгагеологии) и моей. Нам предстояло провести предварительную и детальную разведку месторождения, пробуриив большое количество скважин глубиной около 500 м в весьма сложном геологическом разрезе – сверху до 50 м обводнённых неустойчивых песчано-глинистых отложений, затем – около 200 м разрушенных слабых доломитов, затем – породы перемежающейся крепости и устойчивости с пучащими глинами, и лишь на глубине порядка 450 м мы должны были вскрывать пласт соли и отобрать не менее 90% его. В соответствии с проектом, утверждённым в Москве, бурение предполагалось вести с посадкой четырёх обсадных колонн для перекрытия неустойчивых интервалов ствола скважин. Продолжительность бурения одной скважины предполагалась по проекту около 5 месяцев.

Первые опыты бурения самоходными буровыми установками показали, что по такой технологии бурение дается до полугода, при этом часты аварии в связи с прихватом бурового инструмента в интервалах неустойчивых пород и пучащих глин. Было ясно, что необходима принципиально новая технология для ускорения работ, удешевления их и обеспечения высокого качества.

Не стану описывать весь процесс поиска оптимальных решений и внедрения их в производство. Скажу лишь, что в его разработке и внедрении принимали участие и работники технологического отряда А.С. Кулагин и Н.А. Вагин, буровые мастера А.П. Споров и Н.И. Михайлов, и ряд опытных бурильщиков. Тогда было внедрено моё рационализаторское предложение по целевому поинтервальному регулированию параметров буровых растворов, за которое я получил в ТГУЦР весьма солидное вознаграждение. В результате новой технологии, кроме направляющего кондуктора, в скважину опускалась лишь одна буровая колонна – перед вскрытием пласта соли. Не было ни одной перебурки после внедрения технологии, выход керна не снижался менее 90%. Бурение велось на форсированных режимах, продолжительностью не превышая срока 1 месяц. Рекордная скорость проходки была установлена мастером Н.И. Михайловым – скважина была пробурена и опробована

за 17 дней. Всего на стадии детальной разведки пробурено 48 пятисотметровых скважин.

Написание отчёта прошло с приключениями. В его создании первоначально принимало участие несколько человек, каждый выполнил в установленный срок свою главу, но основной автор – Р.Р. Туманов не написал ни одной. Оставался 1 месяц до сдачи отчёта в ГКЗ. Взбешённый Г.И. Блом прибежал к В.А. Пустошилову: надо уволить Туманова, выгнать его к такой-то матери! Он бездельник и саботажник!! Виктор Андреевич собрал совещание: что делать? Я сказал: Виктор Андреевич, мы несколько лет вели разведку месторождения, получены блестящие результаты, сорвать геологическое задание – не представить в срок отчёт – недопустимо. Это и позор и трагедия. Давай я возьмусь за отчёт.

– Действуй, – сказал Пустошилов, – сумеешь?

– Надеюсь, – ответил я.

Моё предложение не было авантюрой. Несколько лет я систематически занимался Белбажем, видел у Туманова полевые материалы, разговаривал много раз с ним ранее и знал, что необходимые материалы у Туманова есть, он многое собрал, проанализировал и знает, но в силу своего характера все ночи пьёт кофе, обдумывает главы, а день – спит.

Я собрал группу активных ребят, с Тумановым составили сетевой график работ, разбил его по исполнителям. Туманов был вял и твердил, что мы не успеем. За его главы я взялся сам. Первая глава: «Опробование».

– Рамазаныч, что у тебя есть, какие первичные материалы, выложи. Как ты хотел скомпоновать главу, что в неё включить? Сколько надо времени на её написание?

– Полмесяца, – ответил он.

Всё, что он сказал о содержании главы, я записывал. На следующее утро принёс ему готовую главу. Он прочитал, расфыркался: это – не так, то – не так, этого нет, а это – лишнее! А я записывал. На следующее утро, просмотрев новый вариант, он сказал: «А ничего получилось!» Так я написал – по его неплохим материалам – и методику работ, и качественную характеристику сырья. Мне также пришлось переписать главу об экономической эффективности месторождения. А команда выполнила все таблицы и расчёты в сроки сетевого графика. Отчёт сдан своевременно и в ГКЗ защищён на «отлично». Мы ездили на защиту с Г.И. Бломом и Тумановым. Как сказал председательствующий на заседании ГКЗ Борзунов, первый случай защиты, когда у экспертов нет замечаний. Вот такая получилась история с моим Белбажским месторождением каменной соли, первооткрывателем которого назван был я с учётом всех обстоятельств (в том числе с моей первой успешной скважиной).

Талантливейший геолог, но крайне неорганизованный, Р.Р. Туманов также представился к этому званию вместе со мной, но так как ко времени рассмотрения он давно уже был в мире ином, его кандидатура была снята. Хотя он, безусловно, является также первооткрывателем, успешно руководя Белбажской парией в течение всей детальной разведки.

Опыт целевого поинтервального регулирования параметров промышленной жидкости с применением полимера гипана (гидролизованного полиакрилонитрила) и КМЦ (карбоксиметилцеллюлозы) вошел в виде главы в защищённые позднее мной кандидатскую и докторскую диссертации.

Прочитал ещё раз написанное мною про Белбажское месторождение и подумал: «А не хвастаюсь ли я?» Ну, а как ещё изложить эту историю? Ведь я действительно горячо, активно и творчески, как главный инженер, отнёсся к решению сложной производственной задачи. И описал кратко, как всё было. Сейчас в недрах Нижегородской области лежат детально разведанные запасы каменной соли в количестве более 600 млн тонн и ждут освоения. Уже проявляется самый активный интерес, и я этому очень рад. Кстати, Николай Иванович Михайлов за великолепное

профессиональное мастерство, проявленное в Белбаже был награждён орденом Трудового Красного Знамени. А Рудольф Рамаданович Туманов переброшен на новый интереснейший геологический объект – Воротиловский выступ кристаллического фундамента, расположенного на юге Ковернинского района Нижегородчины. И это была моя новая, как главного инженера, творческая задача.

Воротиловский выступ – образование спорного генезиса. По версии Масайтиса (ВСЕГЕИ) – это астроблема – результат удара мощного метеорита, который вызвал выплеск из земной коры пород фундамента в центре кольцевой структуры – Пучеж-Катунских дислокаций. По версии геологов Волгагеологии, предметно изучавших эту структуру, пробуривших полтора десятка скважин глубиной до 1000 м и изучивших петрографию и минералогию выступа – это: древний вулкан, ныне за миллионы лет разрушенный, и вершина его в настоящее время находится на глубине около 70 м от поверхности земли; в настоящее время у меня есть новая версия – это слабонапорная трубка взрыва в центре структуры центрального типа (СЦТ), входящей в состав огромного Сарматского нуклеара.

Этот выступ обнаружен единичными буровыми скважинами глубиной до 400 м в процессе геологосъёмочных работ. Секретарь обкома КПСС по строительству Дмитрий Дмитриевич Грязнов, узнав о неглубоком залегании предположительно крепких пород фундамента, добился включения в наш пообъектный план работ по изучению этого выступа, как перспективного на крепкий строительный камень. Мы использовали этот шанс, чтобы как можно детальнее изучить это феноменальное геологическое явление. В результате обнаружилось, что каменный материал выступа не представляет интерес для стройиндустрии, так как он весь дислоцирован, даже зёрна минералов – часто трещиноваты. Прочность гнейсов, слагающих выступ – не более 200 кг/см кв., в стройиндустрию не годятся. А вот геологические результаты были очень интересные. В пробе пород, представленных в существенной степени эффузивными, обнаружены вулканическое стекло, вулканический пепел, единичные зёрна спутников алмазов, в частности, пиропов. И – сами алмазы! Но это были лонсдейлиты – мелкие непрозрачные чёрные пластинки преимущественно размера 0,2 – 0,3 мм, не представляющие никакого интереса ни ювелирам, ни промышленности.

Керновый материал, по нашему мнению, подтвердил факт земного происхождения данного геологического объекта, без участия астероида. В последующем, после обнаружения факта, что Пучеж-Катунская дислокация является наложенной структурой центрального типа, входящей в систему Сарматского нуклеара, наша гипотеза, очевидно, укрепилась. Большой интерес представляло само бурение на выступе. Дело в том, что нам не приходилось в Поволжье бурить скважины глубиной более 500 м. И мне удалось пригласить на работу в Волгагеологию одну бригаду из Казахстана (мастер Духанин Андрей Дмитриевич) и одну бригаду с Приуралья (мастер Солодов Николай Никифорович). Опытнейшие бригады с авторитетными харизматичными мастерами во главе. Да и бурильщики все как на подбор – прекрасные специалисты. На буровой установке УВВ-600 нам удалось пробурить несколько скважин глубиной до 1000 м, что дало дополнительный интересный геологический материал.

Бурение велось в весьма сложных условиях местами совершенно разрушенных дислоцированных гнейсов с серьёзным водопритокком, и потребовались новые технологические решения как по буровым растворам, так и по колонковым наборам, неоднократно в результате неликвидируемых прихватов использовали отклоняющие клинья. Но задачу выполнили в срок и успешно. Конечно, приходилось одновременно решать в Поволжье немало других интересных задач. Так, было решено изучить гидрогеологические условия на тему поиска месторождений пресных подземных вод для города Горького на низком залесённом левобережье

Волги, где располагались выявленные геологосъёмочными работами палеодолины древних рек. Возможно, даже и не ПраВолги. В районе Останкино на опытном полигоне при сооружении скважин глубиной 70-80 м в монотонных толщах обводнённых песков бурение можно было вести только тяжёлым глинистым раствором с минимальной водоотдачей, высокой вязкостью и стабильностью. Естественно, гидрогеологические результаты геологов не устраивали, так как разглинизации скважины не поддавались, несмотря на самые разнообразные приёмы. Вот тогда я и решил использовать опыт Белбажа и применить здесь безглинистые полимерные промывочные жидкости на основе гипана – впоследствии названные ВГР (водогипановые растворы). В результате экспериментов были подобраны комбинации, позволившие успешно проходить скважины до забоя без обсадки колонн (кроме кондуктора), последующей надёжной посадки фильтровых колонн и успешной раскольматации скважин. Результаты откачек резко выросли, дебиты скважин достигали 800-1000 м куб./сутки. Бурение одной скважины длилось 3-4 суток. Это был безусловный успех.

Между прочим, в перерывах между подъёмами снаряда я бегал в чудесный лес рядом и за одну субботу собрал шесть накомарников молодых белых грибов – слой только пошёл! Это мой рекорд по жизни – 963 чистых белых гриба!

Однако, вернёмся к бурению. Тогда же возникали теоретические проблемы: не всегда даже высокие концентрации гипана не держали стенки скважины в крупнозернистых песках; не было ясно, от чего зависит устойчивость стенок скважин и какие факторы влияют на неё; и главное – применение гипана позволительно ли при бурении скважин на питьевое водоснабжение?..

Мною немедленно был заключен договор с Московским научно-исследовательским санитарно-эпидемиологическим институтом имени Э.Эрисмана на предмет получения заключения и рекомендаций по гипану, а также реагентов К-2, КМЦ, К-4. Большая работа, выполненная Тулакиным, показала, что К-2 и К-4 нельзя использовать при бурении на воду, КМЦ – давно допущен, а на гипан было дано институтом разрешение к его применению в гидрогеологическом бурении при определённых вполне приемлемых условиях. Этот отчёт утверждён вышестоящими институтами и получил право на жизнь. Геологическое объединение центральных районов России по согласованию с Министерством Геологии СССР предложило провести школу передового опыта по теме применения полимерных растворов при гидрогеологическом бурении. К тому времени я уже поступил в аспирантуру своего родного МГРИ к научному руководителю Дмитрию Николаевичу Башкатову. Но об этом чуть-чуть позже.

Всесоюзная школа передового опыта была организована нами в Ульяновской геологоразведочной экспедиции на объекте обеспечения питьевой водой левобережной части Ульяновска. В ней приняли участие начальник отдела Мингео СССР Н.И. Сударкин, зав.кафедрой МГРИ Башкатов Д.М., зав.отделом Центргеологии Панков А.В., профессор Беляков В.Н., Генеральный директор Бурминвода – мой однокашник по МГРИ Тесля А.Г., ведущие специалисты Центргеологии – мои добрые приятели Щенников Е.В., и тоже однокашник Устинов В.Н. Понятно, было немало главных инженеров различных буровых организаций.

Естественно, бурение 60-метровой скважины диаметром четырнадцать дюймов в мощных крупнозернистых обводнённых песках долотом на размыв, которые мы осуществили за световой день без осложнений, вызвало у участников совещания шок. 60-метровый ствол в обводнённых песках был пробурен по внешнему виду чистой водой (а это был водный раствор ВГР – водо-гипано-КМЦ-раствор); ствол стоял, не оплывал, была опущена на забой 12-дюймовая фильтровая колонна, которая практически была посажена полностью до забоя. Затем проведена интенсивная откачка кольматанта, удалённого легко и быстро к утру.

А утром запущена основная откачка, которая дала дебит 1400 м куб в сутки! Это был второй шок для участников школы! Так родилось в СССР новое направление бурения скважин на воду в обводнённых мощных толщах песков с применением разнообразных рецептур гипана, КМЦ и воды. Вскоре мы получили звания Лауреатов Премии Министерства Геологии СССР за эту научно-техническую разработку. Ну, а я продолжил интенсивную работу над диссертацией. При поступлении в аспирантуру МГРИ в 1976 году экзамены у меня принимали молодой энергичный зав.кафедрой бурения (45 лет) Дмитрий Николаевич Башкатов, ставший моим научным руководителем, а вскоре и близким другом – до самой его кончины в 2012 году. А также легендарные пожилые профессора МГРИ Борис Иванович Воздвиженский («БИВ») и Сергей Архипович Волков (оба бывших ранее зав.кафедрами). Было и волнительно и почётно сдавать им экзамены. Каждый написал мне по три вопроса, в принципе, у меня не было особых трудностей, лишь Д.Н. Башкатов задал мне вопросы по гидрогеологии (формула Дюпуй, которую я знал, но не вникал в её физический смысл). Короче, я получил две пятёрки от Воздвиженского и Волкова и четвёрку от строгого Башкатова. После чего сказал:

– Извините, у меня за дверью мои друзья, Панков и Щенников, с портфелями.

Старики оживились: «Давай-давай, пусть заходят!». Один Д.Н. озадаченно сказал: «А нужно ли?» БИВ решительно ответил: «Ещё как!» В общем, на столе появилась хорошая разнообразная закуска и коньяк «Енисели». Как известно, на кафедре рюмок не держали, стаканы наполнялись так: Башкатову на одну треть – «достаточно», Волкову на две трети – «достаточно», Воздвиженскому – полный. Башкатов говорит: «Борис Иванович, «Енисели» – стаканами?!» А тот отвечает: «А я люблю «Енисели»!..»

Думаю, описав это событие, не оскорбил память моих замечательных учителей. Это были живые, подвижные замечательные люди и учителя, высочайшие мастера своего дела – авторы множества учебников и справочников. Вечная им память и неиссякаемая любовь в моём сердце.

Диссертацию я написал и защитил за 9 месяцев. Было это так. Первую главу по требованию Башкатова я послал месяц спустя после поступления и получил разгромный звонок: «Вы собираетесь защищаться или нет? Прислали мне какую-то чепуху, отписку. В вашем возрасте пора докторскую защищать! Никаких трёх лет! Вот вам срок – сейчас октябрь, а защита – в июне следующего года!» Что и говорить, я включился по-настоящему. Была построена опытная оригинальная установка по прокачиванию вариантов растворов промывочных жидкостей с помощью нашего «Кулибина» – Вахрамова. Выполнен большой объём лабораторных испытаний и изучения параметров различных растворов, изучения их технологических свойств по кольматации и раскольматации, обеспечения устойчивости стенок скважин, установлены граничные условия применения вариантов, что сразу проверялось в поле. Важным оказалось изучение замерзаемости таких растворов и выяснилось, что ВГР и ВКГР можно охлаждать до -5 градусов, и они не замерзали. В результате они не растепляли стволы скважин, сооружаемых в вечной мерзлоте. По моим рекомендациям были успешно пробурены скважины на воду Архангельской экспедиции в Нарьян-Маре, а затем мои рекомендации взяты были Востокбурводом, но о результатах их применения я не знал. Но вскоре меня вместе с Башкатовым и Панковым пригласили на 25-летие Востокбурвода (Квашнин) в Новосибирск, где я немного припозднился и попал лишь на первый фуршет, где сел на первый свободный стул к столу ребят из Сургута, которые оживлённо обсуждали тему, как удачно пробурили скважины на воду охлаждёнными ВГР без растепления ствола по рекомендации какого-то Коломийца.

Признаться, было приятно сказать, что Коломиец – это я, тут же громко на весь зал прозвучал тост за моё здоровье. Такие события случаются редко. Конечно, врезалось в память. А на завтра сделал там подробный доклад. Диссертацию защитил успешно в установленный Дмитрием Николаевичем срок, но свою работу с полимерами, естественно, не оставил и продолжил исследования в различных направлениях. Хочу обязательно подчеркнуть, что в работе над диссертацией мне очень помог ставший моим другом кандидат технических наук Евгений Васильевич Щенников, к которому я храню в моём сердце самые тёплые чувства. Нелепая драматическая история прервала нашу дружбу, о чём я печалюсь до сих пор.

Ну, а экспедиции нашей предстояла новая грандиозная работа. Нашему коллективу – СВКГРЭ – было предложено выполнить работы по разведке Южно-Горьковского месторождения подземных вод для обеспечения хозяйственно-питьевого водоснабжения города Горького. Первооткрывателем этого месторождения был наш великий Георгий Иванович Блом, который ещё в 1948 году констатировал наличие крупного месторождения подземных вод в южных районах Горьковской области в районе Арзамас – Дивеево – Ардатов. Организации этих работ предшествовало широкое обсуждение в различных организациях, завершившееся совещанием расширенного бюро Горьковского областного комитета КПСС, на котором присутствовали и мы с Пустошиловым. Немало было сомнений: что, нам, Волги и Оки не хватает? На что тоже легендарный начальник Горьковской областной санэпидстанции Николаев, побагровев от негодования, прокричал: «Вы знаете, что люди, которые пьют воду из Волги и Оки, проживают, думаю, лет на 15 меньше, чем могли бы! Водозаборы не могут вычищать от всей химии воды этих рек, только тяжёлые металлы, бактерии и мусор. А анализ, выполненный академиком Десятых, показал, чего только в этой воде, которую мы пьём, нет! Отравал!»

Итак, обком КПСС направил в Мингео запрос о проведении геологоразведочных работ на месторождении. Повторюсь, предстояла грандиозная работа. Геологическое обеспечение было поручено Мордовской геологоразведочной партии (начальник – опытный гидрогеолог Сафронов Григорий Григорьевич и ведущий гидрогеолог Сергей Кузьмич Порунов. Ну, а всю буровую и опытно-откачную сферу я взял на себя. Три опытнейшие бригады Духанина, Солодова и Соломко Пантелея Фёдоровича должны были соорудить основные скважины глубиной до 170 м для кустовых откачек. Другие бригады занимались бурением наблюдательных скважин. Предварительные расчётные работы, выполненные Г.Г. Сафроновым и С.К. Поруновым, показали ошеломительный результат – с месторождения можно взять более 1 млн м куб. в сутки подземной чистой воды(!) в течение 25 лет. Необходимо было соорудить несколько кустов из 3-5 центральных скважин и серии наблюдательных для обеспечения объёма откачек и подсчёта запаса подземных вод.

Вплотную работы были начаты в 1974 году и завершены в 1975 году. Это был гигантский темп. Мною была разработана технология форсированного бурения скважин глубиной 170 м с посадкой фильтровой колонки 14 дюймов под погружные насосы диаметра 12 дюймов. Для проходки мощной толщи известняков и доломитов, в значительной степени разрушенных с огромными обвалами стволов скважин, бурение велось с использованием штырьевых долот с самодельными утяжелёнными бурильными трубами большого диаметра на форсированных высокоскоростных режимах. В случае вывалов после смены инструмента приходилось очень крупные валуны разбивать крестовыми долотами для ударно-канатного бурения. Начальный диаметр бурения (кондуктор) был 20 дюймов (508 мм). Имел место и трагикомический случай, когда на аварийной скважине было решено не продолжать её бурение, а перебурить вновь. Я вообще запрещал долго ликвидировать аварии, если первые попытки не дают результата. На скважины 170 м глуби-

ной на ликвидацию аварии (прихвата инструмента) я давал мастерам максимум 7 дней. А дальше – форсированная перебурка. Это экономически оправдано и технологически несложно. Так вот, устье аварийной скважины было закрыто листом железа. Женщина, пришедшая к ручью полоскать бельё, взяла лист – под бельё – но подскользнулась и упала в скважину. Уровень воды в ней был 10 м, а высота головы оборванных штанг – на глубине 20 м. Женщина проскользила до воды, её крик услышал находившийся недалеко пастух, и с помощью верёвки буровики вытащили её. К счастью, обошлось только испугом. А кусок железа тут же приварили к устью кондуктора.

Я многократно наезжал на участок и неделями жил там. Вопросов хватало. Однажды в бригаду Соломко притащили новый вагон-домик для общежития, который уже ранее использовала другая бригада. Но когда я приехал на участок, все ребята почему-то спали в спальнях мешках под вагончиком. Я спросил: «Почему?»

– Жарко, душно, – отвечают, – да ещё там гостей много.

Я подумал: «Ну и что? Мешок у меня новый, бельё новое» – и лёг спать в вагончик. Через час проснулся от невыносимого ползанья по мне. Включил свет – везде были огромные клопы, которые заползли и ко мне в мешок. Что ж, посмеялся с ребятами, пришлось обратиться в СЭС, и нам назавтра вагон-домик успешно обработали.

Ну, это детали быта. Вообще, у меня с буровиками были отличные отношения, я уже знал, что у меня «погоняло» – «отец родной», что было почётно. Работали дружно! Все групповые откачки были запущены только в моём присутствии. Дело в том, что для запуска одновременной откачки из 3-5 центральных скважин требовался мощный пусковой момент. Для чего все энергомощности Ардатовского района были направлены на наш участок для пуска. Так, на Кужендеевском опытном участке вместе с главным энергетиком СВКГРЭ Колосовым В.В. мы никак не могли запустить кустовую откачку из 5 центральных скважин – не хватало мощностей, выбивало контакты в щитке. Решили так: Колосов берёт сухую доску, мы одеваем резиновые сухие сапоги и резиновые перчатки. Колосов прижимает доской пусковой рубильник, а я держу его под спину, чтоб его не отбросило. Сноп искр, треск! – и откачка запустилась. Это был ещё тот фейерверк.

Результаты работы на месторождении известные. 12 человек стали Лауреатами Государственной премии СССР. Из них из СВКГРЭ были только начальник экспедиции Пустошилов В.А. и начальник Мордовской ГРП Сафронов Г.Г. Конечно, их лауреатство было абсолютно правильным. Но... Остальные десять лауреатов – москвичи из Центргеологии, Министерства и Московских институтов. Конечно, было обидно. Из нашего списка постепенно были исключены бур. мастер Духанин А.Д., ведущий гидрогеолог Порунов В.К., главный геолог Блом Г.И., а последним вылетел я – вместо меня включили заместителя заведующего обкома КПСС Логинова Георгия Павловича, который потом извинялся передо мной. Но ведь так – бывало! Правда, С.К. Порунов стал первооткрывателем этого месторождения (а Г.И. Блома вновь исключили из списка), а я был награждён за эту работу Орденом Трудового Красного Знамени. А ещё я получил золотую медаль ВДНХ за разработку технологии форсированного режима бурения центральных скважин большого диаметра на этом месторождении.

Отчёт защищён в ГКЗ Г.Г. Сафроновым на отлично с запасами 1 млн 250 тыс. м куб. в сутки. А месторождение в протоколе ГКЗ названо «уникальным!» К сожалению, начавшееся несколько позднее строительство водовода с этого месторождения диаметром 1200 мм не успело завершиться к 1991 году, водовод дошёл до Богородска, не хватило одного года.

В 1991 году решением руководителя администрации области (губернаторов тогда не было) Немцова Б.Е. строительство приостановили из-за

прекращения финансирования, а в лихие 90-е водовод полностью разворовали и, по слухам, продали в Казахстан. Сейчас спустя много лет, анализируя ту ситуацию, я думаю, что решение привести в город такой объём чистой подземной воды было неправильным. Ведь хозяйственное обеспечение предприятий можно было продолжать осуществлять из Волги и Оки, а драгоценную воду нашего месторождения использовать только для питьевого водоснабжения (около 500 тыс. м куб. в сутки). Этого хватило бы «за глаза», и город давно уже пил бы эту чистейшую воду. Но, как говорится, после драки кулаками не машут.

Мне, как главному инженеру, предстояло решить целый ряд новых технических и технологических задач геологического производства. Впрочем, нас серьёзно занимало не только решение производственных задач. Так, имели место, и неоднократно, конфликты с вышестоящими организациями, которые выматывали нервы, сильно мешали работать. Но надо отдать должное нашей Средне-Волжской команде. Это были бойцы с крепкими характерами, умели доказывать свою правоту в тяжёлых конфликтах – и В.А. Пустошилов, и Г.И. Блом, и я старался быть им подставой. Так, однажды генеральный директор объединения ПГО «Центргеология» В.Н. Силаков решил обследовать нашу самую отдалённую Вятско-Камскую геологоразведочную партию, которую после гибели С.Н. Вернина возглавил В.В. Фатьянов.

Сначала его команда приехала к нам в Нижний Новгород. С В.Н. Силаковым приехали начальник геолотдела Лифиц Ян Григорьевич, начальник ПТО Панков Анатолий Васильевич и начальник финансового отдела Энгель Эдуард Александрович – весьма авторитетные и уважаемые люди. В Вятско-Камскую партию с ними должен был поехать Пустошилов В.А., но он терпеть не мог сопровождать вышестоящих руководителей и чем-то отговорился. Обычно в таких случаях ездил я, но я лежал с гриппом с температурой 39 градусов, и поехать пришлось мягкому интеллигентному умнице – заместителю начальника СВКГРЭ – Николаю Алексеевичу Сычёву, чем, конечно, Владимир Николаевич был крайне недоволен. А был он властным, жёстким, требовательным руководителем, хотя никогда не переступал границ профессиональной корректности. Был уважаемый и весьма авторитетный в коллективе объединения человек.

Так вот, доехали они на поезде сначала до Кирова. Там – пересадка на поезд Киров – Сыктывкар, и только к вечеру они добрались до станции Созимское, где базировалась наша партия. Весьма утомительная поездка. Ночёвка в старом холодном бараке, наутро невыспавшаяся московская команда собралась в скромном кабинетике Фатьянова (всё это по рассказам Н.А. Сычёва и А.В. Панкова). Фатьянов, как всегда, щеголеватый в модном пальто и модной папаше, в модных полусапожках выглядел на фоне одетой по командировочному комиссии неким франтом. Силаков спрашивает его: расскажите о состоянии дел, выполнении плана (а был февраль месяц). Фатьянов отвечает – четвёртый квартал завершили успешно, но в первом квартале много простоев из-за морозов, однако, думаю, по марту с планом управимся.

– Хорошо, – отвечает Силаков, – мы хотим посетить какую-либо из ваших буровых и горных бригад в работе.

– Так они все в простое, – мороз 42 градуса, работать запрещено.

Немая сцена.

– Так зачем мы сюда два дня тащились?! – вскричал Силаков, – ну покажите хоть какую-то бригаду, как живут.

– А тут километрах в четырёх стоит вагон-домик бригады шурфовиков Николая Ивановича Фролова («Колымь», о котором я уже упоминал), – отвечает Фатьянов, – Хотите, я туда вас отведу, только пешком, очень холодно.

Пошли. Впереди – щёголь Фатьянов, за ним в офицерском тёплом полуботке (бекеше) – Силаков, рядом Сычёв Н.А. и одетые тепло Энгель

и Лифиц, последний – в осеннем пальтишке и полуботинках – Панков. Пройдя километра два, Силаков сказал: «Что-то стало холодать!»

На что Панков ответил: «Так с ве-е-ечера!»

– Почему с вечера? – спросил серьёзный Силаков.

– Так анекдот такой, Владимир Николаевич. Баран и козёл пошли вместе куда-то зимой, переночевали в стогу, а утром снова двинулись в путь. Баран прошёл немного, тряхнул шкурой и сказал: «Что-то стало холодать!» А козёл ему отвечает: «Так с ве-е-ечера!»

Панков пошутил, но Владимир Николаевич шутку не принял:

– Вы что, меня бараном считаете?!

Короче, дошли до домика. Уже предупреждённый Фролов в одной рубашке встречает начальство на ступенях вагончика. Вокруг – стая собак ластится к нему. В домике чистота, ребята успели вымыть полы и прибраться. Довольный Силаков спрашивает: «Вы, Николай Иванович, смотрю, собачек любите?»

Надо сказать, что Фролов был начисто лишён чувства юмора, всё воспринимал и отвечал на полном серьёзе. А если, читатель, помните, я писал о его тяжёлой биографии – 17 лет лагерей с юношеского возраста. Вор. Бегал из лагерей, «по глупости» – как говорил. По выходе, лишённый в гражданских правах, поступил в ближайшую нашу партию шурфовщиком. С прошлым полностью завязал. Так вот, Фролов на вопрос о собаках, весь в поту – такое начальство приехало! – отвечает: «Как мне их не любить, они мне жизнь спасли!»

– Да что вы, расскажите!

– Дак когда в лагерях голодали в трудный период на лесоповале, только собачки и выручали – что ещё было есть!

Вот это да! Силаков – в шоке, но взял себя в руки и продолжил разговор.

– Как живёте, Николай Иванович?

– Прекрасно! – отвечает. – Жена хорошая, трое детей, квартира.

– Как с начальством отношения?

– Прекрасные, – отвечает. – Начальство справедливое, уважает мою работу. И вообще, жизнь прекрасная, – так же серьёзно, весь в поту (недавно принял чефир), – отвечает Фролов.

– Так что, у вас, Николай Иванович, трудностей в жизни не бывало?

– Почему не бывало? Были, конечно. Когда был ещё молодой, женщин хотелось, а где их в лагерях найти? Приходилось оленюх...

Всё это было сказано Фроловым на полном серьёзе. Мёртвая тишина. Молча Силаков собирается и стремительно, не прощаясь, уходит. Команда – за ним. Тут же садятся на ближайший поезд до Кирова. Силаков – в отдельном купе под тремя одеялами – вагон не отапливался (пустой был до их посадки). А остальные четверо потихоньку «грелись» в соседнем купе. Периодически Сычёв заходил к Силакову: «Вам, Владимир Николаевич, ничего не надо?» Пока вскипевший Силаков не наорал на него: «Вы мешаете заснуть!»

Вот в такой обстановке, спустя почти два дня, вновь появилась эта команда в Нижнем Новгороде. Была суббота. Всё руководство экспедиции – Пустошилов В.Н., я – с температурой 38 градусов, Блом Г.и., Сычёв Н.А., парторг Тамойкин Ю.С., председатель профкома Ананьев А.А. были тут. И команда Силакова. Сычёв нам уже всё рассказал.

Наконец, Владимир Николаевич разжал уста, кипящий от негодования, весь в ярости – мы никогда его таким не видели!

– Что это за чудовищная партия у вас – Вятско-Камская! Модники начальники, безделье, простои. Народ – «каменный век», «пещерные люди». Как так можно работать? Отвечайте!! – у Пустошилову.

Виктор Андреевич, как всегда, в полном самообладании, отвечает:

– Владимир Николаевич, я начальник, должен подводить итог, пусть пока выскажутся остальные члены моей команды. Олег Вениаминович (парторгу), – давай начинай ты.

Олег Вениаминович Тамойкин, парторг, начальник геологического отдела, отвечает:

– Да, Фатьянов В.В. – член КПСС, вроде старательный, работу партии оценить на хорошо (смотрит на нахмурившегося Силакова) – нельзя. На удовлетворительно (опять Силаков нахмурился) – тоже нельзя, учитывая все обстоятельства.

– Да что вы тянете, – вскричал В.Н. Силаков, – говорите конкретнее! Давайте вы, главный инженер.

Я встал и сказал, что неоднократно бывал в этой партии, хорошо знаю руководство и рабочий коллектив! Да, персонал бригад непростой, много бывших зека, в основном, длительных сроков отсидки (от 15 лет), некоторые с поражением в гражданских правах. Но за работу держатся. С прошлым – порвали полностью. С дисциплиной – хорошо. А бригада Фролова Н.И. стала победительницей соревнования шурфопроходческих бригад Министерства геологии РСФСР, и скоро должны приехать из Москвы вручать ему здесь в Горьком Переходящее Красное Знамя за четвертый квартал. Да, я хорошо знаю Фролова. Тяжелейшая жизнь – от беспризорника до вора и зека. 17 лет в лагерях. Там на «Кольме» освоил шурфопроходческое дело, которое знает в совершенстве. Да, душа у него вся в тяжелейших шрамах, но они рассасываются, он очень болеет за свою работу, гордится ею и эту свою трудовую честь бережёт. Живёт он в ужасных условиях. Трое малолетних детей. Ему надо снять погашения в гражданских правах, переезжать с семьёй ближе к цивилизации, дать хорошую квартиру, а работа для него всегда найдётся – он мастер шурфопроходки. А Фатьянов – добросовестный руководитель. Дисциплинированный, собранный, он волновался, вас встречая, вот и оделся так. Вятско-Камской партии давать свою оценку я не буду, она ей уже дана – эта партия в четвертом квартале заняла третье место в соцсоревновании коллективов нашей экспедиции.

– Всё? – мрачно спросил Силаков.

– Да, – сказал я, – добавить нечего.

Минута молчания. Потом Силаков веско произнёс: «Вы совершенно аполитичный человек, как так можно рассуждать?! Вам нельзя руководить такими коллективами!»

Пустошилов взорвался:

– Алексей Маркович сказал чистую правду! Зачем нам лукавить и вам подыгрывать. Да, случилась весьма неприятная история с вашей поездкой, наложилось много нехорошего. Разберёмся, но не вижу безнадёжности.

И тут наш всегда уважаемый, в том числе и за выдержку, В.Н. Силаков неожиданно вскипел, стукнул кулаком по столу:

– Вас всех на... надо послать!

На затылке у Георгия Ивановича Блома встали волосы дыбом, он своим огромным кулаком тоже потряс стол и громко сказал:

– Нет уж, позвольте, мы сами можем послать кого угодно туда же!!

Мёртвая сцена. Все увидели невероятную игру чувств на лице В.Н. Силакова. Наконец он выдохнул:

– Нам нечего здесь делать. Поехали!

Его команда подалась в гостиницу «Нижегородская». А нам оставалось ждать. Воскресенье мы шептались с членами его команды. Говорят, – молчит. Наконец, около 18:00 звонок: «Приезжайте все в ресторан гостиницы на разговор».

Был заказан ужин. Все сели вместе. И Владимир Николаевич встал и сказал:

– Уважаемые коллеги, я много думал о происшествии, постарался спокойно оценить ситуацию. Во-первых, извините меня за несдержанность, я во многом вёл себя неподобающе. Но с Вятско-Камской партией вам надо очень серьёзно поработать. Так жить нельзя. – И добавил. – А почему на столе нет водки?»

Уф, – от души отлегло. Вечер прошёл относительно спокойно, хотя ещё некоторая напряжённость оставалась. От всей этой ситуации пострадал лишь Владислав Викторович Фатьянов, который по настоянию В.А. Пустошилова подал заявление об освобождении от занимаемой должности и вернулась на свою родную геолого-съёмочную стезю.

Вятско-Камскую партию в связи с завершением ею геологических фосфоритных задач мы ликвидировали. Часть сотрудников перешла работать в Кировскую геологоразведочную партию, в том числе и буровики. А Фролов Н.И. – стараниями (да!) В.Н. Силакова – был восстановлен в гражданских правах, ему нами была выделена трёхкомнатная квартира в новом доме в Толоконцеве около г. Горького. Он блестяще продолжил работу шурфовщика на новом важнейшем объекте нашей экспедиции – поисково-разведочных работах на Лукояновском месторождении титано-циркониевых песков. О нём я ещё расскажу.

Пожалуй, поведаю ещё об одной моей инспекционной поездке в Вятско-Камскую фосфоритную партию. Где-то спустя год после назначения В.В. Фатьянова после гибели С.Н. Вернина начальником этой партии решил я посмотреть, как Фатьянов вписался в коллектив, каковы отношения со сложными горно-буровыми бригадами. Доходили слухи, что в этом отношении в партии не всё благополучно.

По приезде в партию мы с Фатьяновым посетили ближайшие бригады, поговорили с рабочими, утрясли неурядицы, и я решил навеститься в бригаду Г.А. Пашкина. Это был заметный известный мастер, бывший «зк» из «полосатиков» (лагеря строгого режима). Его бригада разбуривала профиля на фосфориты глубоко в тайге. Стоял февраль, сильно пуржило, и Фатьянов сказал, что на тягаче АТЛ мы в это время к нему не доберёмся. Надо сначала расчищать бульдозером. Поэтому лучше лететь на вертолёте с аэродрома посёлка Кирс.

Когда туда добрались, ребята-летуны сказали, что погода не позволяет лететь, и нам пришлось почти сутки сидеть с ними. Играли в преферанс, ждали погоды. Наконец, на следующий день часов в 10 утра командир экипажа сообщил: можно лететь, хотя погодка не очень – снежный штормик.

Полетели. Через тридцать-сорок минут подходит к нам штурман и говорит:

– Ребята, погода совсем испортилась, мы вас до места не доставим. Надо возвращаться. Вас сбросим на вот эту поляну, тут до буровой километров десять. Доползёте?

Прыгнули мы с Фатьяновым метров с 6-7 в сутробы, обошлось благополучно – по грудь в снег вошли. Вертолётчики улетели. Мы знали направление. Но по глубокому снегу идти невозможно, в основном ползали. Начало темнеть. Шквальный ветер стих, и мы слышали звуки работающего дизеля бурового станка. Бригада, слава Богу, работала, несмотря на 30-градусный мороз. Фатьянов сказал: «Я больше не могу, ты ползи, потом буровики меня заберут». Пришлось его слегка побить, привести в чувство, и продолжили движение.

Лишь часам к 10 вечера выползли к работающей буровой. Пашкин и его бригада были изумлены нашим появлением. Им из партии по радиации сообщили, что мы вылетели на вертолёте, и что вертолёт разбился, не долетев до аэродрома пять километров. Вертолётчики погибли. Поэтому все считали, что и мы с Фатьяновым там же с ними.

Конечно, погоревали о добрых наших летунах, хлопцы нас обогрели, напоили чаем, накормили. Утром поговорили о делах, обратил я внимание, что в бригаде техник-геолог молоденькая девочка восемнадцати лет, выпускница Киевского геологоразведочного техникума Лысенко. Она исполняла обязанности техника-геолога по керновому материалу.

Смотрю – наливает в бутылку тёплую воду, берёт моток ваты и собирается на улицу.

– Ты куда? – спрашиваю.

– Ой, мне надо на улицу. Обязательно.

Я догадался, что у девочки месячные, она стесняется буровиков, собралась в морозный лес идти. Пришлось отругать мужиков капитально. Нет, они не обижали её, берегли, но откуда им, всем бывшим зека, знать про её физиологические потребности. В общем, отгородили одеялом угол, согрели ей воды в тазике, управилась она. А я говорю Фатьянову:

– Куда же ты её заслал, разве так можно? Забери её в камералку, сюда мужика пришли.

К вечеру бульдозер расчистил дорогу, мы на тягаче АТЛ уехали с Лысенко на базу. Эта милая девочка вскоре вышла замуж за прекрасного мастера и очень харизматичного выпускника Миасского геологоразведочного техникума Петрищева, который впоследствии стал главным инженером Кировской геологоразведочной уже экспедиции.

Можно дополнить повествование рассказом о буровом мастере Г.А. Пашкине. Хозяин в бригаде, никогда не кричал, голос ровный, неторопливый, но убедительный. Был вхож в расположенный километрах в 20 от Созимского лагерь, так как находился там в своё время долго, и даже был расконвоированный. Как-то, в период одной из моих командировок в эту партию, на его станке АВБ-ТМ (буровая на тракторе), вышла из строя сложная коническая шестерня привода ротора буровой установки. Такой запчастей не оказалось не только в партии, но даже на базе в Горьком. Надо было заказывать в Москве.

Пашкин мне говорит: «Маркович, ты мне ящик чая купи, я всё сделаю». Он заехал в зону, а назавтра мы получили оттуда прекрасно изготовленную шестерню, да ещё и закалённую.

А вообще в этой партии было три бригады АВБ-ТМ: Пашкина и молодых техников-буровиков Н.Ф. Петрищева и Байбородова, все три – отличные бригады, а Петрищев и Е.В. Байбородов выросли оба до главных инженеров экспедиций. Я внимательно следил за их мужанием и ростом. Г.А. Пашкин был впоследствии награждён орденом «Трудовой славы» II степени.

Ну вот, довольно много времени посвятил я Вятско-Камской партии. Перехожу к другим важнейшим темам.

Я упомянул, что Н.И. Фролов был переведён в Лукояновскую партию шурфовщиком. Хочу теперь рассказать о титано-циркониевых песках на юге Горьковской области, впервые обнаруженных на съёмочных работах Георгием Ивановичем Бломом ещё в 1949 году. На изучение месторождения в несколько этапов затрачено более 10 лет. Был выполнен огромный объём горно-буровых работ. Это газетчики пишут – геологи открыли в таком-то году новое месторождение. На самом деле, это 15 лет напряжённого труда большого коллектива геологов, буровиков, шурфовщиков, технологов и т.д. На Лукояновском месторождении (Итмановская титано-циркониевая россыпь) за 15 лет пробурено 2208 скважин общим объёмом 77319 м и пройден 161 шурф станками УБСР-25 и вручную общим объёмом 2900 м. Это напряжённая интенсивная работа, связанная с необходимостью высококачественного выполнения.

Необходимо было поднимать из скважин полный керн рудных и вмещающих песков, в значительной степени обводнённых, при этом обеспечивать устойчивость стволов скважин в процессе бурения. И главное, промывку скважин можно было вести только безглинистыми растворами, чтоб исключить глинизацию керна буровым раствором, что недопустимо ухудшает качество керна материала. Даже неспециалист понимает, как трудно обеспечить устойчивость ствола скважин в обводнённых песках, обеспечить подъём незаглинизированного керна титано-циркониевого рудного пласта и т.п.

Нами была разработана технология бурения таких скважин безглинистыми полимерными растворами ВГР и ВКГР с использованием двойных колонковых труб с выпадающей трубой – ДЭКС-ВТ. Разработаны и успешно внедрены шнекоколонковые снаряды для бурения по сухим

и влажным пескам, что позволило существенно сократить сроки поисково-разведочных работ при их высоком качестве. Для замены низкопроизводительной ручной проходки шурфов были внедрены агрегаты УБСР-25, которые за счёт рационализации проходили шурфы не 25 м (по паспорту), а до 35 м.

Напряжённым трудом буровиков успешно руководил главный инженер партии Владимир Дорофеевич Говорюткин, выпускник Свердловского политехнического института. Человек активный, настойчивый, исполнительный, требовательный, умело руководил буровыми бригадами. Помню, как он впервые пришёл ко мне в кабинет – молодой инженер прибыл по направлению по окончании института. Скромный, даже на вид немного застенчивый. Спрашиваю:

– Готовы работать старшим буровым мастером?

– Да, – отвечает, – готов.

– Хорошо, поедете в Свечинскую геологосъёмочную партию к Б.А. Гантову. Там нужен мастер в бригаду.

Позднее узнал, как Владимир Дорофеевич принял бригаду. Гантов, к сожалению, отправил Говорюткина на автомашине одного, хотя должен был его предать бригаде. Владимир Дорофеевич приехал утром. Буровой станок – в простое. Бригада спит в палатке. Говорюткин заглядывает в палатку: «Ребята, вы что спите? Давайте вылезайте, надо работать». Иван Кудрявцев (о котором я упоминал, бросил в Дорофеича сапог и кричит: «Ну-ка, салага, неси мне его».

– Да ладно, – отвечает Дорофеевич, – ты выйди сюда, на улицу, сам возьми.

Разъярённый, крепкий, плечистый Кудрявцев вылетает из палатки и через несколько секунд влетает в неё и падает плашмя. Через несколько секунд очнулся, потрогал челюсть и сказал:

– Мужики, вставайте, пошли работать – хозяин приехал.

Тогда-то мы и узнали, что скромный Говорюткин – мастер спорта по боксу во втором среднем весе. Он никогда не кичился своим мастерством, действительно, был очень скромным человеком, но, при необходимости, мог и постоять за свою честь кулаком. Так получилось и в Лукояновской партии. Когда я назначил его туда главным инженером, начальником там был хороший геолог, но мягкохарактерный Циунель Е.Н. Среди буровиков выделялся один – властный и мощный физически Бугаёв, который подмял под себя и Циунеля и всех буровиков. Утвердился лидером в партии. Когда приехал Говорюткин, собрал буровиков и стал давать задания, Бугаёв поднял его на смех, стал над ним издеваться. На что Владимир Дорофеевич спокойно сказал:

– А давайте-ка мы с вами подискутируем без участия бригады, вот за углом вагон-домика.

Бугаёв решительно согласился, зашли за угол, через полминуты выходит Дорофеевич:

– Так, продолжаем работать, Бугаёв немного отдыхает.

Естественно, Бугаёв немедленно уволился по собственному желанию, а Дорофеевич продолжил свою успешную работу. Да, и такое, и даже не так уж и редко, бывало в нашей геологической жизни.

За 15 лет детально разведано крупное месторождение – Итмановская россыпь титано-циркониевых песков с запасами рудных компонентов более 30 млн тонн, было выполнено ТЭО на кондиции на рудные пески. Итмановская россыпь Лукояновского месторождения – одна из лучших в нашей стране, ждёт своего освоения. Цирконий – металл атомной промышленности, из него изготавливают ТВЭЛы (тепловыводящие элементы атомных станций). Много и другого важного использования. Ну, а о титане всё известно – это оборонная промышленность, это космос.

Много времени я посвятил описанию сложнейшей геологической работы по разведке крупнейших месторождений – Вятско-Камского фосфоритного, Белбажского каменной соли, Южно-Горьковского под-

земных вод, Лукояновского титано-циркониевых песков. Но это – лишь весьма малая толика объёмов и объектов, успешно завершённых Средне-Волжской ИГРЭ в период 1972-1982 гг. Это съёмочные работы на десятках листов геологического, гидрогеологического, инженерно-геологического, инженерно-мелиоративного назначения среднего (1: 200 000) и крупного (1: 50 000) масштабов. Это сотни месторождений подземных вод для водоснабжения городов, рабочих посёлков и сёл Поволжья. Перечислю «на вскидку» только Горьковскую область, её наиболее крупные объекты: Опоискованы Городецкий, Зарубинский и Останкинский участки резервного водоснабжения г. Горького, проведены работы для Дзержинска, Володарска, Сергача, Васильсурска, Уразовки, Выксы, Ветлужского, Навашино, Б.Болдино, Княгинино, Лысково, Сосновского, Сеченово, Белбажского рассолопромысла, Шахуньи, Кулебак, Красных Баков, г. Арзамас. И это далеко не всё.

Конечно, огромные объёмы поисков и разведки подземных вод выполнены на территориях всех остальных регионов, которые обслуживала наша экспедиция. Многие сотни месторождений нерудного сырья, выданные народному хозяйству страны за этот период – это огромный вклад в экономику страны только в те годы, когда мне с 1972 по 1982 год пришлось работать главным инженером славной Средне-Волжской комплексной геологоразведочной экспедиции. Предприятие за год по объектам геологоробот бурило до 200 км скважин различного назначения в разнообразных сложных горно-геологических условиях, что требовало напряжённой работы творческого потенциала ИТР и рабочих; внедрялось много рацпредложений, немало изобретений, повышающих качество и эффективность буровых работ. Достаточно сказать, что высокими государственными орденами в этот период были награждены многие десятки рабочих и ИТР предприятия.

Написал я об этом и вспомнил об уникальном случае ликвидации аварии на глубокой скважине большого диаметра, которую мы бурили на рассолы для Новочебоксарского химзавода. СВКГРЭ поступил заказ соорудить скважину с целью обеспечения химзавода высококонцентрированными рассолами NaCl концентрацией не менее 280 г/л, которые гидрогеологи предполагали вскрыть на глубине около 700-800 м. Конечный диаметр бурения проектировался долотом 243 мм под фильтровую колонну из нержавеющей стали диаметром 168 мм. Начальный диаметр бурения – 508 мм. Задача нестандартная. Мы купили буровой станок ЗИФ-1200 с металлической вышкой, а бригаду для бурения я выбрал самую опытную – бурового мастера Андрея Дмитриевича Духанина. До глубины 700 м бурение шло без крупных осложнений, я со своей семьёй уехал в отпуск на Украину к папе и маме. И тут на скважине случилась тяжелейшая авария. Произошёл прихват долота, затем обрыв, на забое осталось долото, две УБТ (утяжелённые бурильные трубы) и одна оборванная бурильная труба.

Бурильщик Мирошниченко, прозевавший момент начала прихвата, растерялся, занервничал и решил срочно пустить в скважину ловильный инструмент – метчик на бурильной колонне, но в спешке стряхнул с элеватора две свечи с метчиком. Затем он спустил колонну с новым метчиком и противоаварийным переходником. Чтобы при попытке разворота колонны она развернулась именно в противоаварийнике, весь снаряд при спуске затягивают с патрубком и ломом. У Миши ничего с ловлей обрыва на получилось, он не нащупал головы обрыва и стал поднимать снаряд. Для разворота каждой свечи её надо было капитально обстучать кувалдой (так она была затянута). В общем, уставший и разнервничавшийся Мирошниченко, помогая помбуре, уронил кувалду в скважину. Так первоначально вырисовывалась картина аварии. На её ликвидацию выехал опытный и умелый инженер Борис Иванович Зайцев.

Двадцать дней бригада предпринимала разнообразные варианты ликвидации аварии. И должен сказать, что всё делалось технологически

грамотно. Но... Нужна, как нигде, – при ликвидации аварии – её величество Удача.

Духанин позвонил мне на Украину: «Маркович, скорее приезжай».

Я на десять дней сократил отпуск и выехал в Горький. Дома ждал Духанин, который «гонял чай» с моей тёщей Анной Михайловной.

– Ну, слава Богу, приехал. Машина внизу под окном, собирайся, пора тебе делом заняться.

Должен признаться, что к тому времени у буровиков сложилось некое поверье, что я «фартовый» при ликвидации аварий. Да, в принципе, так и было. Удача, как правило, была на моей стороне.

К раннему утру мы были на буровой. Всё мне ребята рассказали, что произошло и какие варианты ликвидации предпринимались. Но главное, никак не могли найти и зацепить голову обрыва (она ушла в каверну – расширение ствола скважины). Я велел послать в скважину «печать», чтоб до сантиметра рассчитать, на какой глубине искать голову обрыва. Печать (деревянная болванка с гудроном) показала, что от места следа печати до головы обрыва 2 м 55 см, но она далеко в каверне. Каротаж ствола был уже ранее выполнен, поэтому я легко просчитал, насколько надо выгнуть бурильную трубу, чтоб навёрнутый на неё «метчик с юбкой» мог попасть на голову обрыва. И что вы думаете? Первая же попытка соединиться с обрывом удалась. Абсолютно честно говорю, что дело не в расчётах, а в удаче! Повезло!!

Однако, оказалось, что это было только начало тяжёлой и опасной работы. Циркуляция бурового раствора через долото шла нормально. Провернуть его в скважине не получалось (да была опасность ещё одного обрыва). Выходило, что долото вверх не пускало ещё что-то, расклинивая его при попытке подъёма. Что ещё может быть? Только кувада, которую уронил Мирошниченко, – так мы решили. Разложили на земле всю эту конструкцию прихвата и решили тянуть снаряд из скважины – куваду должно вывернуть.

Сначала тянули гидравликой станка, затем гидравлическим домкратом. Нет, долото приподнимало над забоем на 5-7 см и далее заклинивало. Тогда, серьёзно всё обдумав, решил я, что нарушу категорические требования техники безопасности и буду тянуть снаряд одновременно домкратом, гидравликой станка и, при необходимости, ещё и лебёдкой. Металлическая буровая вышка была детально прокреплена во всех соединениях. Отогнал я бригаду от буровой метров на сто. За рычаги встал начальник отряда Федя Файрушин – Файзелхак Гиззатович – замечательный буровик, а я рядом – «иль вместе жить, иль вместе помирать».

Сначала всё выдавил гидродомкрат, затем Федя включил гидравлику станка. Выбрал полностью. Вышка вибрировала. Я говорю:

– Ну, Фёдор, давай лебёдку. Выбрали пол мощности. Вышка зазвенела, но что-то, показалось, сдвинулось в скважине.

– Давай, Федя, ещё чуть-чуть добавь лебёдки.

Он придавил. И вдруг – мощнейший удар, металлический звон. Федя снял нагрузки со станка и говорит:

– Маркыч, обрыв снаряда, зря мы тут...

А я посмотрел на индикатор веса – ура!

– Нет, Фёдор, сработало, есть полный вес снаряда.

Обнялись мы с ним, как братья родные. Получилось, риск был оправдан. В течение ближайших секунд, (нескоро) рассказывали ребята, с мощным шмяканьем в землю вошли плашки гидродомкрата, так как связывающий их трос порвало. Можно представить, на какую высоту они улетали. Секунды – и в буровую скачет А.Д. Духанин (он был хромой, ходил с клюшкой):

– Получилось?!

– Да, – отвечаем, – давай ребят, пусть снаряд быстрее поднимут.

Было уже часов 11 вечера, но все ждали. И вот – из скважины выходит отводной крюк, оборванная штанга, соединённая с метчиком в

юбке, две УБТ и долото. А на лапе долота спокойненько стоит – наша кувалда. Ничего она не клинила! Значит, клинило что-то другое.

– Митрич, – говорю, – пусть ребята изготовят паук и сбегают на забой. Какая-то железяка там лежит. А я – спать. Скажете, что было.

Раненько утром трясёт меня Андрей Дмитриевич:

– Знаешь, что достали пауком? Противоаварийный переходник. Кто его уронил, не знаю, молчат.

Я ещё немного поспал, подходит Андрей Дмитриевич:

– Маркович, в бригаде праздник, вставай.

В вагон-столовой вся бригада за столом, на столе по бутылке водки на троих. Это Митрич, – абсолютно не пьющий и категорически карающий выпивох, постарался. Я поднял тост: за успех, за дружную команду, и сказал:

– Признайтесь же, правды ради, кто уронил противоаварийный переходник?

Тут встал Мишка:

– Ребята, это я, думал, потеряется в скважине, там каверн полно, а он, зараза, заклинил долото!

Признание греет душу. Не буду больше описывать далее это событие, скажу лишь, что для любого профессионала такие воспоминания – навечно. Кстати, упущенные две свечи с метчиком так и не извлекли, они где-то в кавернах скважины затерялись. Ну, а я написал буровую поэму «Авария», где всё точно показано, в том числе и версии озорных моих буровиков. А скважина была добурена до проектной глубины 770 м, однако, полученный рассол NaCl был ниже требуемой концентрации (210 г/л), и комбинат отказался её брать. Ликвидировать такую скважину было обидно, и нам удалось уговорить Чебоксарский горисполком использовать эти рассолы для полива заледенелых дорог зимой, что и имело место довольно продолжительное время.

Не могу остановиться, чтоб не описать ещё одно удивительное явление, с которым пришлось столкнуться. В Ульяновской области велась разведка Ташлинского месторождения стекольных песков. Это сухие, влажные и обводнённые чистые кварцевые пески. Ранее подобные месторождения разбуривались ударно-канатным способом, малопродуктивным и не дающим поинтервальной характеристики песков.

Бурить с промывкой можно только стабильным глинистым раствором. Но что за керновый материал можно получить? Заглинизированный. Понятно, что это не путь при бурении на стекольные пески. И я решил попробовать там отработанные на гидрогеологических скважинах безглинистые полимерные растворы. Направил туда для тщательного контроля вездливого педанта технолога Володю Земскова. Расписал ему матрицу планирования эксперимента. Володя ни на йоту не отступил от матрицы, все варианты тщательно фиксировал. И вот звонит: «Алексей Маркович, в разрезе встречаются прослойки сливных песчаников мощностью до 2-3 м, крепостью X-XI категорий по буримости. Что делать?»

Говорю: «Володя, сажайте на них промежуточную обсадную колонну, а их пробуйте вскрывать водо-гипановым раствором, причём меняй концентрацию гипана от 0% до 5%, чтоб уловить закономерности».

Через два дня звонит ошеломлённый Володя и сообщает, что обычно эти прослойки буровики бурили двое-трое-четверо суток, потому что скважины неглубокие, давление на снаряд для скоростного бурения – не создать, но неожиданно выяснилось, что при концентрации гипана 1% прослойки песчаника мощностью 2,2 м прошли за 15 минут вместо нескольких суток. Детали не буду описывать, эксперимент был продолжен далее. Оказалось, что нам удалось зафиксировать и обуздать работу эффекта кавитации. Опытным буровикам этот эффект известен давно, когда из скважины поднимали столбики керна крепких пород со следом спирали на теле, как будто бы его проходили как глину. Это фиксировалось, но не поддавалось управлению.

Я внимательно изучил затем литературу по кавитации и убеждён, что этот эффект мы не только смогли зафиксировать, но и управляли им. Мной опубликована статья в журнале «Разведка и охрана недр», но на защите диссертации я снял это защищаемое положение, потому что члены учёного Совета МГРИ мне так и не поверили. Немного обидно, но я их тоже понимаю. У нас случился революционный прорыв, у других же, несмотря на неоднократные попытки, управлять кавитацией не получалось. Вместе с тем, думаю, что когда-нибудь вдумчивый и настойчивый специалист доведёт дело управляемого внедрения кавитации в буровой процесс – до конца.

Честно говоря, у меня тогда было более чем достаточно материала для докторской, поэтому этот побочный результат, в принципе, меня и не мобилизовал. И, чтобы завершить тему полимерных безглинистых растворов, расскажу о том, что СВКГРЭ поступило распоряжение организовать эксперимент по достижению максимальной месячной проходки буровой бригады. Это мероприятие проходило по линии МИНГЕО СССР. В это время наш талантливый творчески мыслящий геолог, кандидат наук Нагайцев Борис Михайлович возглавил работы по поискам песчано-гравийного материала в междуречье Волги и Оки. У Бориса Михайловича работала одна из лучших бригад предприятия – В.И. Клипы. Бурились скважины на ПГС средней глубиной 30 м самоходным буровым агрегатом УРБ-2А-2. Естественно, промывка осуществлялась с помощью разнообразных полимерных безглинистых растворов, так как глинистые растворы абсолютно противопоказаны, чтоб не исказить геологический материал. Нагайцев обеспечил фронт работ, и бригада Виктора Ивановича Клипы при двухсменной работе по 12 часов (только в световое время) за месяц потом пробурила чуть более 3000 м скважин (3 км). Это был рекорд, честь которого принадлежит замечательному мастеру В.И. Клипе и замечательному геологу Б.М. Нагайцеву.

Конечно, ещё раз скажу, что мне вспоминаются наиболее яркие вехи из пройденного пути, но ведь, повторю, наша экспедиция ежегодно выполняла работы государственного задания на **многих сотнях ответственных геологических объектов**.

В конце 1980 года мне пришлось побывать в ответственной командировке в Монгольской Народной Республике. Получилось это так. Мой учитель и друг Дмитрий Николаевич Башкатов был яркой, неординарной личностью с очень непростым характером. Он был, безусловно, талантлив во всём: хороший живописец, писавший маслом оригинальные картины, он обладал прекрасным голосом на уровне хороших оперных басов, ну и, понятно, крупный учёный в буровом деле. Будучи зав. кафедрой, членом ВАКа и ряда других организаций, он дружил с начальником технического управления Мингео СССР, ставшим вскоре Министром геологии Евгением Александровичем Козловским. Но оба – крутые по характеру – два медведя. В общем, где-то в 1980 году у них произошла крупная ссора, в результате которой мой учитель потерял все свои приставки, оставшись лишь рядовым профессором МГРИ. А у него приближалась очередная командировка в МНР, где он несколько лет оказывал консультации по горно-буровому делу – как представитель Мингео СССР. В сложившейся ситуации его командировку в МНР Министерство отменило. Меня вызывают в Москву, к заместителю министра геологии Виктору Андреевичу Ярмолюку. Я, естественно, теряюсь в догадках – в чём дело? Но Виктор Андреевич сразу сказал: не волнуйтесь, сейчас всё вам поясню. Вы, вероятно, знаете, что у вашего учителя случилась крупная неприятность, в результате он не получил добро на командировку в МНР. Но мы знаем, что вы – один из лучших его учеников с немалым производственным опытом, и мы решили направить в МНР вас, как консультанта от нашего Министерства в Мингео МНР.

Я сказал Ярмолюку, что не могу в такой ситуации дать согласия, потому что неудобно перед учителем. На что он ответил: «это понятно, но

вы езжайте сейчас к нему, посоветуйтесь». Так и сделал. Дмитрий Николаевич, находившийся в непрестом расположении духа, тем не менее, ясно и определённно сказал:

– Передайте Ярмолюку, я полностью поддерживаю его решение.

И он дал мне ещё несколько добрых советов по Монголии. Ярмолук также подробно меня проинструктировал, сказав, что работать я буду в контакте с руководством группы техсодействия. Собрав необходимые материалы, я вылетел в Улан-Батор. В аэропорту утром меня встретил главный инженер Министерства г-н Тогооч и отвёз в гостиницу, сказав, что скоро пригласит меня для обсуждения моей месячной творческой программы пребывания. Вскоре в гостиницу наведася мой старинный дружок... Николай Алексеевич Вагин, который уже года два работал в группе техсодействия. Тёплая встреча. Назавтра с утра он снова у меня. Я посетовал, что нет никаких сигналов из Мингео МНР, на что Николай сказал: «У монголов есть любимое слово – маргаш – завтра. Поэтому не жди, а насыдь на них». Я позвонил Тогоочу, он ответил, что планирует встретиться завтра. Я решительно сказал, что являюсь представителем Мингео СССР, и если их не интересую, то улечу в Москву. Через полчаса Тогооч был у меня, и мы поехали в министерство. Небольшое представление перед группой ответственных работников. Попросил их спланировать мою работу на актуальных объектах, и меня проводили к руководителю группы техсодействия советских геологов Николаю Ивановичу Лаврику и главному инженеру Николаю Федотовичу Кожемяченко. Оба недавно приехали в МНР, вживались в проблемы, но приняли меня очень тепло и доброжелательно. Вручил им московские «сувениры». Но где-то через полчаса заходит в кабинет какой-то человек, высокий, самоуверенный, и, нагло улыбаясь, говорит: «Это что такое к нам приехало?»

Я вскипел, но вида не показал, ответив ему: «Я представитель Мингео СССР, вас не приглашал, беседую с руководством группы техсодействия, поэтому попрошу выйти».

Человек побагровел, молча развернулся и вышел, хлопнув дверью. Ошеломлённые Лаврик и Кожемяченко говорят: «Вы знаете, кого выставляли? Руководителя советских геологов в МНР – Евгения Ивановича Мартовицкого.»

Отвечаю: «Для меня он, непредставившийся, просто посторонний человек. Я приехал работать с вами».

Стоит ли говорить, что за месяц моего пребывания в Монголии мы с Мартовицким ни разу не разговаривали и даже не здоровались. Позже мне объяснили, что он ждал Д.Н. Башкатова, а тут какой-то главный инженер геологоразведочной экспедиции, а у него их в МНР несколько.

Должен сказать, что такая выходка Мартовицкого меня сильно мотивировала на работу. Получив от Лаврика и Кожемяченко советы, от монголов – направления по консультациям, которые их интересовали, приступил к работе. Сначала посетил объекты гидрогеологической экспедиции, где были проблемы с устойчивостью стволов скважин, бурение велось с промывкой глинистыми растворами. В результате раскопывания скважин была неэффективной. Провёл консультативное совещание, вкратце обрисовав их проблемы, указал пути преодоления и сказал, что попозже напишу детальные рекомендации. Потом поездка на флюоритовое месторождение. Я этот объект воспринял как экскурсию по живописной Западной Монголии, потому что особых производственных проблем не увидел.

Потребовал новые задачи. И мы вместе с Тогоочем, гл. геологом группы техсодействия Шабаловским и Вагиным выехали на два месторождения россыпного золота – Заамар и Хайлааст. Было градусов 25 мороза, небольшой снежный наст (Северная Монголия). Там бурение велось ударно-канатными станками УКС-30 желонками с забивкой обсадных труб «ударными бабами». Проблемы – низкое содержание золота в пробах, отбираемых таким способом на потенциально богатых месторож-

дениях золота. Причина стала ясна сразу – при забивке труб ударной бабой происходило разжижение песчаных грунтов и перетекание тяжёлых золотых частиц вниз. В результате желонки не могли извлечь золото, да ещё и произошла потеря из-под клапанов желонки. Мною было рекомендовано временно спуск обсадных колонн проводить с помощью механизмов расходки без ударных баб. Чертежи, как их изготовить, я сделал. Но это временно. А главное, я рекомендовал приобрести в СССР шурфопроходческие агрегаты УБСР-25, большой опыт работы с которыми у меня был.

Вскоре в Мингео МНР состоялось празднование нового 1981 года, где я близко познакомился с министром господином Мавлетом за обильным фуршетом и попросил его дать мне ещё сложную задачу. Он сказал: «Следите в Южный Гоби на месторождение Таван-Толгой антрацитового угля, где у нас большие проблемы с выходом керна и поэтому с оценкой месторождения». Но Лаврик после Нового года сказал мне, что Мартовицкий резко возражает против моей поездки туда, так как якобы для СССР это месторождение не является приоритетным. Я вынужден был сходить к экономсоветнику России, и он мне сказал: «Езжайте туда, помогите по полной, Мартовицкий не прав».

Поелел в аймачный центр Дархан в Южном Гоби на границе с Китаем с главным инженером монгольской экспедиции Дугрэ, который ни слова не знал на русском. Дархан – городишко с несколькими приземистыми каменными зданиями, окружёнными многочисленными юртами. Дугрэ устроил меня в гостиницу, кое-как объяснив, что сам пойдёт к родственникам, и оставил меня одного. В номерке гостиницы – около 10 градусов цельсия. Туалет не работал – замёрзла где-то канализация («удобства» во дворе). На улице мороз около 40 градусов.

Кое-как переночевав под двумя ватными одеялами, утром позавтракав подобием гуляша из верблюда (маленькие трудно прожёвываемые кусочки), кое-как объяснил директору гостиницы, чтоб он нашёл мне Дугрэ. Тот пришёл часов в 11, я выразил возмущение, что я приехал работать, а не сопли морозить. Он написал, что – 40 градусов цельсия, и пригласил меня куда-то пройти с ним. Так пошел в гости к его родне в юрту к аймачному прокурору. Юрта как юрта, но начальническая – полы тесовые, войлочные ковры. Конечно, приняли меня тепло в жаркой юрте. Приветливые улыбки, стеснительные детишки. Где-то годовалый мальчонка ползает, привязанный верёвочкой за ногу. Поясняют – чтоб не обжёгся о металлическую печку, стоящую посреди юрты на камнях и песке.

Жирное козье мясо, хлеба не было, правда, выручил чеснок. Нет, я не сетую, замечательные гостеприимные люди, доброжелательные, открытые. Просто это их обычный стиль жизни. Я был очень признателен Дугрэ за этот колоритный визит. Наутро чуть потеплело и мы на УАЗ-469 выехали на буровую. Каменистая бесснежная пустыня, хотя лёгкий снежок сыплет, но тут же сублимируется (влажность – нулевая). Верблюды на коленях лижут в ямках застывший там снежок.

И вот буровой агрегат ЗИФ-1200. Бригада молодых монгольских ребят. Хмурый неприветливый начальник участка. Но, к счастью, один молодой человек учился в техникуме в Болгарии, и мне удалось включиться в разговор. Оказалось, проблемы с выходом керна были связаны с тем, что, как мне объяснили, они руководствовались инструкцией нашего геолога Шихова, приславшего из Улан-Батора, как отбирать керн из колонковой. Она была сформулирована нечётко, и монголы её неправильно поняли. В результате качество керна было низким, начальник участка чувствовал, что что-то не так, поэтому и меня принял весьма недовольно – советские специалисты ничего хорошего не насоветуют. Таков был его лейтмотив.

Не буду описывать всех тонкостей моей работы в бригаде, но уже на завтра к концу дня улыбающийся начальник участка пригласил меня на

экскурсию по Гоби. Взял охотничье ружьё. Это была потрясающая поездка. Великолепные пейзажи зимнего каменистого Гоби, гонка за стадом великолепных джейранов (но я не мог стрелять, хотя ружьё было у меня). А вечером – фуршет с тёплыми объятиями и жестами. Наутро улетел с Дугрэ в Улан-Батор, и тут же меня принял министр Мавлет. Сказал ему, что проблема решена полностью, он мне вручил несколько монгольских сувениров. И тут в его кабинет заходит Мартовицкий – почему Коломиец у вас, он сначала должен был мне рассказать. Мавлет, человек очень мягкий, вдруг жёстко сказал: «Вы зачем ко мне входите без приглашения. Выйдите!». Об этой ситуации я, как и обещал, доложил экономсоветнику. Знаю, что вскоре Мартовицкого отозвали. По-русски говоря, зажрался. Ну, а я по итогам моей месячной работы написал 150-страничные детальные рекомендации по вопросам, которые консультировал. «Зарубежгеология», слышал, продала их МНР за 150 тыс. долларов. Использовали ли их монголы? Знаю, что да, потому что некоторое время спустя я, как и мой учитель Д.Н. Башкатов, был награждён монгольской медалью, которую в Москве вручил мне главный инженер Министерства геологии МНР Тогооч. Ну, и спустя много лет в составе делегации российских геологов во главе с министром геологии РФ В.П. Орловым, я и Н.А. Вагин были встречены буровиками Монголии с искренней радостью и умыкнуты ими из состава делегации, с согласия В.П. Орлова, на два дня.

Работать главным инженером было и ответственно, и творчески насыщено. В аппарате экспедиции видел, что пользуюсь уважением и авторитетом за умение оперативно и творчески решать производственные задания, установились добрые, часто тёплые отношения с курирующими работниками объединения Центргеология – начальником ПТО А.В. Панковым, ведущими специалистами Е.В. Щенниковым, В.Н. Устиновым, В.И. Титовым. Дружеские отношения связывали меня с ведущим специалистом ПТО объединения по технике безопасности, «грозой» всех организаций, неординарной личностью Владимиром Фёдоровичем Матвеевым и многими другими. Я неоднократно награждался различными почётными грамотами и заносился на Доску Почёта объединения, защитил диссертацию.

Всё это вызывало ревность у моего начальника Виктора Андреевича Пустошилова. У нас постепенно начали отношения охлаждаться. Я об этом хочу рассказать, потому что глубоко уважаю Виктора Андреевича, последние 20 лет его жизни мы тепло дружили, но вычеркнуть из памяти сложные эпизоды наших отношений – не получается.

Виктор Андреевич обладал несомненным талантом – умел понравиться, и по делам, вышестоящим производственным, партийным и советским руководителям, пользовался у них заслуженным авторитетом, но рядом с его «эверестом» не должно было быть ни малейшей заметной вершины. Он пытался брать меня с собой для поездок с руководителями области и министерств, ему нужен был доверительный помощник в приготовлении шашлыков, накрытии «полян» и т.п. Но общение с этими большими людьми, руководителями у меня тоже происходило, я рассказывал о нашей работе, участвовал в застольях – ко мне относились, как, вероятно, интересному человеку, со многими на долгое время сложились добрые, в том числе, неофициальные отношения. Это нервировало Виктора Андреевича. Он перестал меня брать с собой. Ну, и ладно, – думал я, больше времени для дел, а их полно.

Где-то года через четыре после начала нашей совместной работы говорит мне Виктор Андреевич: «У тебя три правительственных награды, а дела ты плохо ведёшь. Производительность на буровых работах растёт медленно, надо раза в два поднять».

Я ему отвечаю, что по росту производительности буровых бригад мы первые в объединении (18-20% ежегодно), а когда ты был три года главным инженером – я анализировал – производительность бригад не поднялась ни на 1%.

– Виктор Андреевич, я стараюсь. Вся производственная служба активно работает, проводим школы передового опыта, внедряем новые технологии, улучшаем быт бригад и кадровый состав.

Он отвечает: «У тебя оклад чetyреста рублей (как кандидата наук), а я, начальник, получаю двести восемьдесят».

– Так кто тебе мешает, защищай кандидатскую, как и я.

В общем, отношения наши были не безоблачные. Как-то летом я взял отпуск и поехал отдыхать на Волгу в с. Бармино. Там у нашей экспедиции был наблюдательный гидрологический пост (арендованный обычный деревянный сельский дом). Пробыл я там недели три, успешно занимаясь рыбалкой на чехонь (с берега) и леща (с лодки). И вдруг туда приезжает Виктор Андреевич с каким-то солидным мужчиной с явным украинским акцентом. Выгрузили ящик пива, водку, закуску. Я увидел крайнее недовольство Виктора Андреевича, но что делать, надо гостей приветить. Полез на чердак дома, там сушилась чехонь и лещи. В это время дверь в сени открывается, этот мужчина спрашивает: «Что это за мужичок у тебя бегает?» Виктор Андреевич отвечает: «Наш сторож, он тут временно живёт».

– Ничего себе, я – сторож!

Не подавая вид, приношу свою рыбу, начинаю её разделявать для угощения и спрашиваю гостя: «У вас украинский акцент, вы – с Украины?»

– Да, – отвечает, – из Броваров.

– О, – говорю, – а мои все корни из Бориспольского района, есть такое село Сошныкив.

– Так я его знаю, даже бывал там, большое село. Как ты сюда-то попал?

– Так просто, школу кончил с золотой медалью, поэтому учиться поехал в Москву на геолога, а оттуда по распределению – в Горький.

– Что же ты сторожем работаешь?

– Я работаю главным инженером у Виктора Андреевича, сейчас в отпуске, вот тут рыбаку.

Видели бы вы глаза Виктора Андреевича и глаза его гостя. Гость (как мне потом прояснилось) – был друг Подгорного, первый секретарь райкома партии Броваров, тесть – Виктора Андреевича! Общался после этого он принципиально только со мной, мы пили пиво, пели украинские песни, обнимались. Пока, наконец, Виктор Андреевич не уговорил гостя уехать.

Не буду больше описывать другие весьма неприятные эпизоды наших отношений, их было немало. Сообщу лишь о весьма важных, имевших место позднее. Когда я стал генеральным директором «Волгагеологии» в начале 90-х, Виктор Андреевич возглавлял московский трест «Торфогеология», который находился в стадии ликвидации. Однажды он приехал в Нижний Новгород с заместителем министра геологии РФ Н.И. Пинчуком и приказом министра Виктора Петровича Орлова передать «Торфогеологии» нашу производственную базу на улице Республиканской, 22, где располагались центр мониторинга геологической среды, школа буровых кадров, центральная химлаборатория, центральные ремонтно-механические мастерские, автогараж и склады. Это был шок. Почему вышел такой приказ? Без тех подразделений мы работать никак не сможем. В сущности, это – катастрофа.

Понятное дело, – сказал я москвичам, что не выполню приказ, так как он, по существу, неверный, а главное, министр не имеет права распорядиться федеральным имуществом, которым я управляю по доверенности Госимущества РФ.

– Хорошо, – отвечают гости, – завтра пойдём к зам. губернатора, курирующему госимущество, и там всё решим... Почему вы нас весь день держите на голодном пайке? Можете покормить в приличном ресторане?

Поехал в ресторан. Моя команда – В.Ф. Табачков, В.П. Горелов, В.В. Ляхович, Н.А. Вагин и гости. За столом, за выпивкой Пинчук и Пустошилов начали всячески поносить меня. Застолье было прервано. Моя команда взяла москвичей за вороты – ещё слово, и – получите! На этом всё закончилось, гостей отвезли в гостиницу, на завтра были у зам. губернатора. Глубоко сожалею, что забыл его фамилию. Тот говорит москвичам: «Вы знаете, единственный вариант, как передать базу от «Волгагеологии» к «Торфагеологии» – это согласие Коломийца. Оно у вас есть?» Я отвечаю: «Его у них нет!»

– Тогда идите в приемную, обсудите, решите и только после этого заходите ко мне.

Мы вышли, я подошёл к Пинчуку и Пустошилову, в страшном возбуждении послал их, куда надо, спустился вниз, сел в машину и уехал... в Москву. В 8:30 на завтра я стоял у приёмной министра Виктора Петровича Орлова. Вот идёт он.

– Я к вам.

– Алексей Маркович, не могу принять, готовлюсь к срочному визиту в Правительство.

– Виктор Петрович, – беру его за локоть, – мы знакомы много лет, и знаете, что из-за чепухи я тревожить не буду. Вы должны меня выслушать!

– Ладно, – говорит мрачно Министр, – у вас 10 минут.

Мы зашли в комнату. Прошло 10 минут, полчаса. Виктор Петрович почернел лицом и, наконец, говорит секретарю: «Позови мне сюда Пинчука!»

Заходит Пинчук. Виктор Петрович хлётко ударил ладонью по столу:

– Вы что мне лапшу на уши повешали, что «Волгагеология» помирает? У них всё в порядке, давай сюда мой приказ, – и зачёркивает приказ, разрывая ручкой бумагу! – Как тебе не стыдно! Иди вон отсюда, – Пинчуку. И секретарю: «Таня, неси нам с Марковичем по чаю».

Мы зашли в заднюю комнатку, Виктор Петрович налил две рюмки коньяку: «Извини, Маркович, запутали они, засранцы, меня, извини!»

Таков был Виктор Петрович Орлов, горяч, но порядочен, очень уважаем. Так закончилась тогда эта история. Ну, а последнее весьма неприятное событие произошло ещё позднее, когда Виктор Андреевич ушёл на пенсию, ликвидировал «Торфагеологию». Где-то в 1997 году меня повесткой вызывают в Нижегородский районный суд. Оказывается, Виктор Андреевич написал на меня заявление, что я, купив у него мебель при его отъезде в Москву, пятнадцать лет не расплачиваюсь с долгом. На самом деле, Виктор Андреевич незадолго до отъезда в Москву купил великолепную болгарскую стенку. Перевозить её слишком накладно, и Виктор Андреевич сделал всё возможное (при своих связях), чтобы эту квартиру отдали мне (а моя семья жила в аварийной квартире на улице Шорина). Но при условии – я покупаю у него эту болгарскую стенку. Мы с женой обрадовались, так как стенка новая, великолепная. Тогда перед его отъездом в Москву мы с женой с ним рассчитались полностью, но вот спустя пятнадцать лет он решил нас напакостить.

Я и представить себе не мог, что суд поверит этой клевете, но... связи-связи-связи. Я выдержал около десяти заседаний суда. Суд принял решение – взыскать с меня деньги за стенку, да ещё и за моральный ущерб. К сожалению – таков наш суд – был, есть, и, наверное, долго будет. Я подал апелляцию и впервые рассказал обо всём своей жене, раньше я её берёг от стрессов. И тут моя Сашенька заявляет: «Лёша, когда мы с ним рассчитались, и ты ушёл на кухню приготовить закуску, я попросила у Виктора Андреевича расписку за полученные деньги. Она у меня сохранилась!!!»

Естественно, всё категорически развернулось, суд отказал Пустошилову и ещё принял решение (без моей просьбы) взыскать с него в мою пользу весьма солидную сумму морального ущерба. Где-то через месяц

звонит мне в субботу Виктор Андреевич, спрашивает, можно ли подъехать ко мне на работу. Минут через 15 заходит в кабинет, кладёт на стол пачку денег и предписание судебного пристава: «Распишись в получении морального ущерба и пересчитай деньги». Я расписался в получении, а пачку денег, не считая, вернул ему: «Мне не нужны эти деньги, забирай их обратно. Виктор Андреевич, я всю жизнь ношу в душе глубокую признательность тебе за всё то доброе, что ты сделал для меня и моей семьи. Нет у меня на тебя никакого зла, только глубокое сожаление о том, что происходило».

Виктор Андреевич молча ушёл, а где-то месяца через три опять в субботу заходит ко мне в кабинет, становится на колени и говорит: «Прости меня, ради Бога, за всё зло, что я тебе причинил. Бес попутал, прости».

Естественно, мы обнялись, поцеловались, и последние двадцать лет его жизни (он умер в 2021 году) стали не просто друзьями, а почти роднёй. Я нередко бывал у него в Москве в гостях, он пару раз бывал и у нас в Нижнем. Иначе, как – мой младший братик – меня не называл. Я думал упустить из воспоминаний эти тяжёлые эпизоды, но ведь тогда это была бы нечестная недосказанность. Сейчас Виктор Андреевич в мире ином, вечная ему память и Царствие Небесное.

Так прошло долгих одиннадцать лет моей работы главным инженером Средне-Волжской комплексной геологоразведочной экспедиции. Это был передовой коллектив. Умелая работа Виктора Андреевича в вышестоящих инстанциях, слаженная работа по выполнению геозаданий в производственном секторе экспедиции, чёткая работа экономических и финансовых служб давали свой результат. Наша экспедиция систематически занимала призовые места в соцсоревновании, чаще – первые с вручением переходящих Красных Знамён Министерств геологии СССР и РСФСР. Когда зашла речь о преемнике Пустошилова в связи с его уходом, выяснилось, что он категорически против моего назначения. Виктор Андреевич сказал В.Н. Силакову, что я очень слабый, не потяну и т.п. В то же время Силакову (он мне сам много лет спустя об этом рассказывал) его заместители – гл. инженер И.Г. Никифоров, зам. по кадрам И.И. Брель, парторг Панков А.В. категорически рекомендовали – только Коломийца.

У меня состоялся разговор с В.Н. Силаковым:

– Не боитесь браться за такую работу – начальника экспедиции? Тут совсем другой уровень, другие методы работы, другой объём знаний и опыта нужен.

Увы, я вновь ответил ему дерзко:

– Владимир Николаевич, если у вас есть другой достойный кандидат, то вам выбирать. А моя вся биография – на ваших глазах. Я владею необходимым объёмом знаний, опытом руководства крупным коллективом, умею самостоятельно принимать ответственные решения.

– Откуда такая самоуверенность? – спрашивает Владимир Николаевич.

– Это не самоуверенность, а просто констатация, какой опыт и какие знания я накопил.

Спустя много лет Владимир Николаевич, давно тогда уже не генеральный директор, доверительно сказал мне, что ему не понравился мой тон. Я ответил искренне: «Простите, Владимир Николаевич, со мной такое бывает – когда волнуюсь, могу неоправданно надерзить. Самозащита».

Я приступил к работе начальником СВКГРЭ. Шёл 1983 год, мне сорок четыре года. Должен сказать, что первые два-три года я уделил налаживанию контактов в областных и республиканских партийных и советских органах, в министерствах и объединении (тут пригодилась школа такого опыта – В.А. Пустошилова). Слышал глухой ропот, что, мол, знамён уже больше не видать, скатимся в середнячки при Коломийце. Но я понимал, что новичку нужно время для завоевания необходимого авторитета. Главный инженер Александр Иванович Балашов безупреч-

но обеспечивал качество производственной деятельности подчинённых организаций. Не сразу, но на должность заместителя по экономике я пригласил начальника Центральной экспедиции Владимира Владимировича Ляховича – одного из наиболее активных моих критиков на первых порах. Он мне нравился своей открытостью, обязательностью, работоспособностью, умением учиться, крепким мужским характером. Предварительно я назначил его на 1 месяц исполняющим обязанности начальника СВКГРЭ, взяв отпуск. Целый месяц наблюдал из отпуска за его работой, ни разу не вмешался, зато, когда закончил отпуск и пришёл к нему, он только вздохнул: «Ну и работёнка у вас, Алексей Маркович, уф-ф-ф». Тогда и предложил ему стать моим заместителем по экономике, мы не только стали соратниками, но и безусловными друзьями.

Главным геологом оставался Георгий Иванович Блом. Огромные знания в геологии, невероятная работоспособность, ответственность и чувство долга, боевитость и принципиальность снискали ему безусловное уважение и авторитет в экспедиции. Он был на двадцать лет старше меня. Работая в условиях советской плановой экономики под 100%-ное госбюджетное финансирование, мы всегда могли ориентироваться на то, что Георгий Иванович внимательно контролирует каждый объект геологического задания предприятия и то, как этот объект оценивается по качеству и укладывается ли мы в сроки его исполнения. Наш темпераментный латыш мог взорваться как вулкан, но так же и быстро остыть, он не держал зла в своей душе, хотя терпеть не мог формального отношения к делу, плохого качества работ.

Заместитель начальника экспедиции Николай Алексеевич Сычёв, старше меня на десять лет, попросил меня отпустить его – руководителем школы подготовки буровых кадров, сказав просто: «Алексей Маркович, мне год до пенсии (по полевому стажу), я не выдержу вашего темпа работы». В заместители пригласил бывшего начальника Кировской геологоразведочной партии, энергичного, разворотливого, коммуникабельного Анатолия Макаровича Лашкова. Не все одобрили мой выбор, критически оценивая некоторые его человеческие качества, но по работе у меня не было к нему серьёзных претензий, успешно решал вопросы и в объединении, и в министерстве, был оперативен в самой экспедиции и активно занимался подсобным хозяйством.

Подсобное хозяйство. Вот и всплыла в памяти ещё одна непростая тема нашей работы и жизни. Да, это была серьёзная «головная боль» нашей экспедиции. Точно не помню, но где-то в 1980-м году в СССР было принято решение, что все крупные промышленные и другие производственные предприятия (в том числе геологические экспедиции) должны создать у себя сельскохозяйственные подсобные хозяйства. Виктор Андреевич, большой любитель и специалист изготовления домашних колбас (участвовал в конкурсах!), размахнулся, решив создать подсобное хозяйство в Семёновском районе нашей области в селе Красные Усады (церковь там давно разрушена) с площадью сельхозугодий около 3500 гектаров. До его отъезда в Москву два с лишним года там стали высеивать рожь и ячмень, были попытки создания ферм крупного рогатого скота и свиней. Я не вникал в работу подсобного хозяйства, будучи главным инженером. Вся нагрузка легла на Николая Алексеевича Сычёва.

На оперативках у Виктора Андреевича Сычёв рассказывал о тяжелейших проблемах, поголовном пьянстве работников, в том числе и женщин. Зачем всё это, – думал я, слушая его. Подсобное хозяйство давало огромные убытки, себестоимость сельхозпродукции заоблачная. Я написал тогда по рассказам Сычёва ироническую озорную поэму «Сельхозстрадания». Но когда стал начальником, пришлось брать на себя все заботы о подсобном хозяйстве. Тут уже было не до смеха. Если хотя бы в главных деталях описать те усилия, которые предпринимались нашей экспедицией в подхозе, это уже заняло бы много страниц. Отмечу самое основное. Мы построили 15-километровую асфальтированную дорогу к

отрезанным полгода от мира Красным Усадом. Запустили лесопильный цех, открыли аптеку, детский сад, баню, капитально отремонтировали коровник, свинарник, элеватор и зернохранилище. Хозяйство было полностью обеспечено необходимой сельхозтехникой (комбайны, трактора и другая техника).

Но все усилия нивелировались тем, что село Красные Усады населено не коренными жителями, большинство были люди, пытавшиеся ранее неудачно прижиться в городах, нередко спившиеся, немало бывших заключённых. Никто из них не хотел работать, несмотря на то, что уровень оплаты труда у нас шёл по рабочей сетке, не как в соседних колхозах. Пьянство почти поголовное, недоенные сутками, мычащие коровы, некормленные свиньи. Огромные объёмы работ по заготовке сена и сельхозуборке выполняли направляемые нами в страду добровольные отряды работников геолпредприятий. Общий уровень отношения жителей Красных Усад к нашему подсобному хозяйству был отрицательный: «Понаехали тут, без вас жили себе спокойно, грибы, рыбака, огород, а тут вы повыскакивали!» Трудовых конфликтов немало: пьянство, прогулы, а также прямой саботаж и вредительство. Да, реально эти забытые тогда в СССР слова нам припомнились, когда подождли свинарник с трёх сторон, сгорело всё поголовье (более 200 свиней), когда была реальная попытка поджога коровника и многие другие, так и не раскрытые милицией преступления.

Директором подсобного хозяйства пришлось назначить Соколова Владимира Николаевича – старшего специалиста ПТО, недавно принятого мной на работу – под обещание квартиры. Он хорошо потрудился в подхозе, став после этого начальником вновь образованной Татарской геологоразведочной партии. А директором подхоза стал молодой агроном (который до института ещё успел закончить техникум механизации сельского хозяйства), – Ключкин Виталий Александрович. Оба они – крепкие мужики, с характером и мощными кулаками, которые оказались в подхозе не лишними. В.А. Ключкину удалось как-то стабилизировать дисциплину, подхоз заработал натужно, но ритмично с помощью геологических отрядов. Хотя убытки были очень большими. Однажды сообщили, что В.А. Ключкин тяжело ранен. Оказывается, ночью на вагондомике, где он жил, кто-то мелом нарисовал крестики, где должна быть голова и туловище спящего Ключкина, и с упора (с подставки) было произведено два выстрела.

Виталию Александровичу, надо сказать, повезло. В это время по телевидению транслировался хоккейный матч чемпионата мира, и он смотрел его сидя, упершись спиной в подушки. Пуля, нацеленная в голову, пробила ему бедро, повредив кости и артерию. Ключкин сумел себе наложить жгут. Его спасли. Он несколько месяцев был на излечении, а потом успешно работал уже в «Волгагеологии» в автотранспортном цехе до пенсии. Преступник вновь не был пойман, хотя местные жители наверняка знали, кто это сделал. Был там у них один охотник, браконьер из бывших зека. Но свидетелей не нашлось. Это событие переполнило чашу терпения. Я решил ликвидировать подсобное хозяйство. Удалось убедить в этом руководство Горьковской области – председателя облисполкома Соколова Александра Александровича, с которым у меня установились отличные взаимоотношения, ведь я не раз ездил с ним и летал на вертолёте по нашей области.

Мы вернули земли и передали всё недвижимое имущество соседнему колхозу. Сложнее было дело с техникой. Чистую сельхозтехнику нам удалось продать по минимальной цене тому же колхозу. Транспорт (автомашины и трактора) передали в геологические организации. Но единственное заслуживающее внимания происшествие произошло, когда направили тяжёлый грузовик и автокран забрать в подхозе тягач К-700, трёхлетний, почти новый агрегат, который тракторист Миней (фамилию не помню) отказался отдавать.

– Я на нём несколько лет работал, он мой, – таков был его аргумент.

И ещё ружьё, которое он наставлял на механиков. Пришлось мне ехать срочно в Красные Усады. Стоит наш транспорт, рядом жмутся механики, а около К-700 Миней с ружьём наперевес: «Алексей Маркович, не подходи, застрелю».

– Миней, – говорю, – я тебе не опасен, К-700 управлять не умею, просто хочу с тобой поговорить.

Конечно, неприятно смотреть на направленное на тебя дуло ружья, но не было другого выхода на глазах многочисленных зрителей. Подошёл к Миней, отвожу дуло в сторону: «Миней, К-700 – имущество государственного предприятия. Представь себе, что я разрешаю своим приказом тебе его забрать. Результатом будет то, что я сяду в тюрьму. А К-700 всё равно заберут. Если ты застрелишь меня на глазах всех людей, то сядешь на пожизненное, а К-700 всё равно заберут. Так что выхода нет – убери ружьё, и пусть крановщик К-700 загружает в кузов».

Минуту молча стоял Миней, жёстко глядя мне в глаза, потом махнул рукой и ушёл в дом. К-700 вывезли из подсоба. Этот случай произошёл лет через шесть после того, как стал начальником, но я должен был о нём рассказать в общей картине наших «сельхозстраданий». А первоначальное испытание в должности первого руководителя имело место быть в первый месяц моей работы в 1983 году. Незадолго до отъезда Виктора Андреевича в Москву им в загранкомандировку в Египет был отправлен начальник Лукояновской партии Александр Васильевич Котельников. Принял у него партию главный инженер Владимир Дорофеевич Говорюткин. Принял дела на скорую руку, доверительно, но вдруг обнаружил, что на нём «висит» 72 тонны дизтоплива! Говорюткин страшно напугался, не стал разбираться и прибежал к Виктору Андреевичу, а тому оставалось работать в Горьком всего два дня. Он тоже не стал делать попыток разобраться и сообщил в КГБ.

Когда я принял руководство экспедицией, наш работник спецотдела проинформировал меня о том, что Котельникова пытаются вернуть из Египта, на меня ляжет обязанность во всём разобраться. Это очень расстроило. Я знал Александра Васильевича много лет как ответственного законопослушного человека, и даже мысли не мог допустить, что он мог кому-то это дизтопливо продать.

Где-то через неделю Котельникова откомандировали из Египта, мы с новым главным инженером Балашовым А.И. создали производственную комиссию – разобраться, что случилось. Растерянные и невероятно расстроенные Котельников и Говорюткин писали свои подробные объяснения, нормировщики и бухгалтеры поднимали путевые листы и буровые наряды. Требовалась абсолютная точность. В течение где-то трёх недель удалось объединить в один документ все выборки получения и расхода дизтоплива, и выяснилось, что Александр Васильевич в спешке в связи со срочным вызовом в Египет, не осуществил списание дизтоплива на производство за 4 месяца. Допустил непростительную безответственность, считая, что Говорюткин всё приведёт в порядок, поймёт, в чём дело. Самое плохое, что он ничего не сказал об этом Владимиру Дорофеевичу, и тот растерялся. Вместо того, чтобы придти ко мне, главному инженеру, в чьей компетенции этот вопрос, и попытаться понять, в чём дело, он «сломя голову» бросился к Пустошилову.

Тщательная, скрупулёзная работа комиссии под руководством А.И. Балашова, и комиссия подсчитала, что на выполнение буровых и транспортных работ Лукояновской партии по нормативам было израсходовано 62 тонны дизтоплива. Мы видели и понимали, что оставшиеся десять тонн не были проданы Котельниковым, человек он честный, продажа им ГСМ на сторону исключена. Во-первых, мог иметь место, да и наверняка имел перерасход ГСМ на зимние условия работы. Но для этого должны были быть своевременно составлены соответствующие акты у буровиков и трактористов. Понятно, что задним числом в такой ситуации этого

нельзя было делать. Таким образом, за А.В. Котельниковым была констатирована недостача 10 тонн дизтоплива. Александр Васильевич написал заявление, чтоб погашение этой задолженности производили вычитанием из его зарплаты, начисляемой в экспедиции. И я сказал ему, что считаю проблему разрешённой.

Он поехал в Москву... И был арестован и снят с самолёта в Египет некими людьми. Теперь уже я попал под «огонь». Был жёсткий допрос: почему отпустил преступника? Почему не подал заявление в правоохранительные органы о хищении? Как мог разрешить вновь лететь в Египет?! Старался всё спокойно объяснять, но слушать не хотели. Вскоре вызывают на СУЗе (суженное заседание обкома КПСС) под руководством секретаря по идеологии Борисовой Инны Захаровны. В её кабинете человек 6-7, не помню, – сам был в большом возбуждении и растерянности. Никого, кроме Борисовой, не знал. Начался жёсткий разговор с набором тяжёлых эпитетов в мой адрес – безответственен, политически незрел, потакает преступникам и т.п. Я не мог принять подобных упрёков, весь вибрировал от нервного потрясения. Особенно серьёзные обвинения шли от одного солидного мужчины. И я взорвался в отчаянии и возмущении:

– Что вы на меня набросились? Сначала разберитесь, что случилось! Там нет злого умысла, нет преступления. Да, допущена легкомысленная халатность. Но никто не воровал дизтопливо.

Мужчина пытался меня резко остановить, но я закричал на него:

– Да дайте же мне в конце концов объяснить, что произошло!!!

Тут Инна Захаровна веско сказала:

– Коломиец, выйдите в коридор, вы что раскричались, остыньте.

Я вышел на дрожащих ногах и около получаса, кажется, ждал. Наконец, меня пригласили, и И.З. Борисова сказала:

– Учитывая, что вы только приступили к работе начальника экспедиции, мы решили пока оставить вас в этой должности, вам объявляется строгий выговор по партийной линии.

Уже позже я узнал, что в нервном срыве накричал я на начальника КГБ области. Это, как мне сказали, и спасло меня в известном смысле – вот, мы до чего мужика довели, что на начальника КГБ орать начал. В общем, простили, а строгий выговор тоже был щадящий – без занесения в учётную карточку. Котельникова в Египет более не выпустили, едва не исключили из КПСС (получил «строгача» с занесением в учётную карточку). Вот такое было у меня начало работы начальником Средне-Волжской комплексной геологоразведочной экспедиции.

(Продолжение следует)